

Э. Симпсон

О мире и о войне.

**ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ
БАБУШКИ**

Симпсон Элизабет
О мире и о войне.
Воспоминания моей бабушки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22060573

Аннотация

Воспоминания моей бабушки, прожившей почти весь 20-й век, целиком. Воспоминания записаны мной с ее слов и литературно обработаны. Представляют интерес для тех, кому небезразличен взгляд на события и дела "давно минувших дней" с точки зрения очевидца, а не из "недавно открытых архивов" и страниц учебников истории.

Автор: Элизабет Симпсон.

«О мире и о войне. Воспоминания моей бабушки».

Вступление.

Примерно 8 лет назад я решила отвлечь свою бабушку от всех ее печальных мыслей – разом и надолго. Прихватив с собой рабочий ноутбук, явилась к ней в гости, и решительно заявила: «Бабуля, сейчас я буду записывать твою жизнь! Давай, рассказывай всё, что помнишь!». А потом весь вечер стучала по клавишам, под неторопливый бабушкин монолог. И в следующий вечер – тоже... И в после-следующий... И в после-после... и...

Сейчас, пуская в плавание по волнам мировой паутины эти воспоминания (словно крохотную белую лодочку из рук – в мировой океан), я думаю и о своей бабушке, и о многих людях, чья жизнь засыпана, погребена в забвении под неумолимо опадающими листьями лет и многими, неведь чьи фантазии содержащими, пластами «литературных очерков о жизни Советского народа» и «данных, совсем недавно поднятых из архивов».

Мои миниатюры не претендуют на монументальность и эпохальность. Это – просто маленькие цветные стеклыш-

ки из общего калейдоскопа под названием «Как жили люди ТОГДА...»

P.S. Все, что написано прямой речью – практически, везде, сохранено так, как услышано от источника.

1. Дошкольное детство

Бабуля моя, Никонова Лидия Николаевна, появилась на свет на Украине, точнее – в Донбассе, маленьком шахтерском городке Кадиевка, 16 декабря 1920 года.

Всего в километре от жилой части городка, немного возвышаясь над ней, дымил трубами коксохимический завод. Построен он был в 1896 году, и к 1927-му году его оборудование было уже изрядно изношено, часто выходило из строя, что служило причиной многих аварий. В нормальном (судя по всему – весьма специфическом "нормальном") работающем состоянии Коксохим «привносил» изрядный букет своих «ароматов» в жизнь горожан. Но когда он загорелся – это зрелищное (а главное – весьма «обонятельное»!) событие стало незабываемым для всех, в том числе и для маленькой Лиды.

Во время пожара шестилетняя Лидочка и ее брат Шурик (старше Лиды на два года) сидели на крыше своего одноэтажного дома, и с замиранием сердца смотрели на высоко поднимающийся в небе столб дыма с языками пламени. Но страха катастрофы, панического страха от виденного не осталось, и только ужасающий запах горящей смолы прочно

осел в памяти на долгие, очень долгие годы...

В пять лет Лида впервые выехала из Кадиевки в Большой Мир – на поезде, со своей мамой и бабушкой. Направлялись они в Харьков*, к родне.

С самого начала поездки, маленькая Лидочка, как и все дети всех времен, стояла у окошка. Широко распахнутыми глазами смотрела на «пролетающие» мимо телеграфные столбы и поражённо восклицала: «Ух, как его кидает!». Потом, вдосталь наудивлявшись – притомилась, спать захотела. Мама уложила ее на нижнюю полку, прилегла рядом, а на полке напротив устроилась уставшая бабушка.

Шифоньеров тогда в семье не было, и вещи складывали в сундуки или в большие плетеные корзины. И, уже засыпая, малышка сделала еще одно поразительное открытие, о чем сразу сообщила бабушке: «Бунечка, а мы с тобой в корзинке, что ли едем?!».

(Замечу, что почти через 50 лет после описываемого путешествия, четырехлетняя я, обнаружив, что едем мы с бабушкой в город Москву в плацкарте, а не купе, деловито осведомилась: «А почему не кабинет?», ибо та моя поездка была далеко не первой. Другое время, другие дети...)

И вот, переполненная открытиями и сопутствующими волнениями, маленькая Лидочка со своей бабушкой-Бунечкой и мамой прибыли в Харьков. Мама, бабушка и «принимающая сторона» – Лидочкина тётя Нюра, немного отдохнув с дороги, ушли (как тогда говорили) «в город» – прогуляться по магазинам. Малышку с собой не взяли, и она, предоставленная самой себе – как и любой ребенок в чужом доме – решила повнимательней осмотреться.

На веранде стоял стол. У бабушкиной семьи, как и у многих в то время и в тех местах (Украина, 1926 год) среди предметов мебели не значилось большого шкафа, торжественно именуемого французским словом «буфет». Посуду – тарелки, ложки, вилки, кастрюли и прочее – складывали в маленький шкафчик, что располагался прямо под столом (очень удобно, если не хранить там столовый сервиз на 12 персон, с супницей «инклюзив»!).

Обнаружив этот шкафчик, Лида, конечно же, его открыла, и сочла, что внутри – явный беспорядок! Тут-то впервые и проявилась её хозяйственность, которая всегда вызывала во мне уважительное удивление, особенно когда я на своем опыте осознала – каким трудом это достается.

Итак, пятилетняя Лидочка «приняла меры» по устранению беспорядка. Вытащила всю посуду из шкафчика и перемыла ее. Обнаруженной весьма кстати газеткой застелила полочки. Аккуратно поставила всё обратно...

Можете себе представить, как умилялись старшие, вернувшись с прогулки!

У бабушки, с которой Лида ездила в Харьков (бабушки «с папиной стороны»), было звучное, величавое имя-отчество: Домна Ивановна. Но ласковое «Бунечка», придуманное любящими внуками, куда больше подходило к добродушному и мягкому характеру Домны Ивановны.

Почти полной противоположностью Бунечке была бабушка «с маминой стороны»: Стефанида, полячка – неулыб-

чивая, к детям строгая. Внучата её, в свою очередь, тоже не слишком любили, не слишком ласково звали: баба Стефча.

Временами «противоречие» между бабушкой и внуками переходило в микро– бунты со стороны малышни. Велит, например, маленькой Лидочке баба Стефча: "Сходи на улицу, к крану, принеси воды чайник, а то пить хочется!...". Внучка не спорит – идет послушно, чайник полный наберет, да, но... по дороге обратно так чайником размахивает, что, по меньшей мере, половина содержимого на дороге оказывается, а в самой посудине – чуть не на доньшке воды: нате, бабушка, получите-распишитесь! Ну, видимо, по заслугам и награда была...

Трудно себе представить, чтобы хозяйственность в таком возрасте – пять лет – зависела исключительно от собственных качеств ребёнка. Очевидно, что для этого детям нужен постоянный живой пример – к а к должен быть устроен порядок в доме. И у Лидочки этот пример – был, и, несомненно, он был очень хорош. То есть не он хорош, а она – мама.

... Её (маму моей бабушки, то есть мою прабабушку) звали Никонова Ирина Николаевна.

Она родилась под Варшавой в 1899 году, и была чисто «рабоче-крестьянского» происхождения. Правда, эта "чистота происхождения" была слегка «подпорчена» семейной легендой об одной бедной, но очень гордой польской графине, бежавшей со своим возлюбленным из отчего дома еще в 19-м веке.

Окончила Ирина только 4 класса.

Еще до учебы, в 10-летнем возрасте – уже прислуживала у богатых польских помещиков – смотрела за их детьми. Но однажды хозяйка решила ее наказать (вина девочки была очевидна!), для чего взялась за длинную ручку тяжелой сапожной щетки ... 10-летняя Ирина же в ответ отчаянно вцепилась в ручки только что закипевшего, исходившего горячим паром самовара: «Только троньте!... Самовар на Вас опрокину!...». Терпеть строптивую девчонку в приличном польском доме после этого не стали – со "службы" выгнали моментально...

После окончания «4-х летки», 15-летняя Ирина рабо-

тала в галантерейном магазине, продавщицей. Потом – сестрой милосердия, в госпитале (в 18 лет). Интересно, что есть две её фотографии того времени: на одной – кокетливо взирающая на зрителя загорелая пухлощекая девчонка в «бусиках», а на второй (к сожалению, очень плохо сохранившейся) – уже посерьезневшая девушка в белом, «форменном» головном уборе сестер милосердия. Всего два – три года разницы – а жизненный опыт (да еще какой!), видимо, уже преподал девочке, молодой девушке, свои непростые, горькие уроки.

Выйдя замуж и родив двоих детей, Ирина больше нигде не работала, так что Лидочка с детства наблюдала, как тщательно и аккуратно ведет мама их маленькое домашнее хозяйство. В доме всегда был порядок, хотя избыточной жилплощади не было (по современным меркам): на четырех человек – две маленьких комнаты. К тому же первая комната была проходной, там стояла плита (фактически, это была кухня), и окно из этой комнаты выходило на веранду. Вторая комната была «жилой», уже с окном на улицу.

Прабабушка моя (как и многие, волею судеб попавшие в те времена), прожила очень богатую на события жизнь.**

Но в те, относительно спокойные годы – конец 20-х – и до самой войны, для ее жизни (помимо ведения домашнего хозяйства) лучше всего подходят слова: была она любознательна, очень много читала.

Конечно же мне (как обожающей чтение, с раннего детства) было интересно – а что именно тогда читали, какие книги были популярными? Бабуля, старательно полистав странички своей памяти, назвала произведения Лидии Чарской, книжный авантюрно-уголовный «сериал» «Рокамболь», «Тайны мадридского двора»***... Вся эта литература, по листочкам, раздавалась для чтения, между соседками.

Хранились книги отнюдь не в авторитетных шкафах, но в старых сундуках, на чердаке – словно древние, таинственные сокровища.

«Читающие» соседки тоже остались у бабушки в памяти: Клавдия Година, у которой муж был «партийным боссом». Ната Зюлина, муж которой тоже был партработником (что совсем не мешало ей звонко, на весь двор, докладываться: «Ирина Николаевна, я уже всё прочитала!»). А еще была среди них воображала Дуся, у которой муж учился на милиционера. Моей бабуле она запомнилась как владелица комбинации «джерси», что было по тем временам просто фантастическим шиком. Чтобы лишний раз продемонстри-

ровать, на зависть окружающим, эту достаточно интимную часть туалета, сообразительная Дуся часто мочила свою шикарную комбинацию и, как бы после стирки, вывешивала во дворе сушиться, на всеобщее обозрение...

Вот так жили в 1926-м году, в одном из дворов Донбасса, рядом – и обычные женщины, и воображалы, и жены партийных «боссов»... Да что это я! Все они были обычными женщинами, обычными жёнами, обычными мамами...

P. S. К сожалению, бабушкина первая фотография – только в 8 лет. Поэтому здесь на фото, из 1917 года: 18-летняя, будущая мама моей бабушки, Ирина Николаевна, и ее мама (а моя, соответственно, пра-прабабушка) Стефанида.

–

* Харьков с 1914 до 1934 года был столицей Украины,

** В жизни прабабушки были не только должность "гувернантки" в 10-летнем возрасте у польских помещиков, а в 15-летнем – работа продавщицы в галантерейном магази-

не, но и долгосрочное общение с одним из людей, оказавших влияние на нашу Историю. Один из 26 легендарных бакинских комиссаров (Степан Шаумян, чрезвычайный комиссар Кавказа) – в его семье Ирина жила некоторое время... И я уже не говорю о военных годах!... И всё это замешано в бесконечных сменах местожительства – и стран, и регионов...

Кроме того, прабабушка была очень умной женщиной (насколько я могу судить её письмам, сохранившимся в семейном архиве, написанным её рукой в уже глубоко пожилом возрасте, а также по воспоминаниям бабушки). В конце 70-х, прабабушка сама записала свои «мемуары» и отдала их одной из моих троюродных сестер. Та сдала эту бесценную семейную реликвию в школу, в качестве «домашнего задания», и... далее всё это благополучно потерялось. Вот об этом я очень сожалею, ибо сама была мала, чтоб сообразить потщательнее расспросить прабабушку о ее жизни, записать все подробности. Однако историю про «самоварный бунт» против зажиточной польской шляхты, и одну польскую песню я слышала много раз, непосредственно от прабабушки.

*** Насколько я понимаю, вся эта литература тогда именовалась "бульварной". Однако, Лидию Чарскую потом всё-таки "реабилитировали"! Я даже помню ее повесть, напечатанную в одном из детских\юношеских журналов конца 80-х годов...

2. Приключение в Бахчисарае

1927 год.

Лидочке было 6 лет, когда врачи обнаружили у ее мамы «затемнение в легких» и рекомендовали ехать в Крым, где «воздух – и тот целебный». К счастью (для семейного бюджета), в Крыму, в Бахчисарае, жили родные мамины сестры: старшая – бездетная и незамужняя, уже немолодая – Марина (у нее и остановились), Юлия – в расположенном неподалеку горном монастыре (христианском), и, также старше Ирины – Фрося (с мужем). Всего же у Лидочкиной мамы было 4 сестры: младшая, Варвара, проживала со своим супругом в Москве.

Фрося работала на почте, а муж ее – грек Христофор – был весьма известным в городе часовым мастером. Он был щедрым человеком, и сделал замечательные подарки "понаехавшей" родне: маленькой Лиде – крохотные сережки "с камушком", а Ирине – кулончик в виде золотого конвертика, в котором лежал серебряный листочек.

(Забегаю вперед, скажу, что – увы! – сережки почти сразу сдали в Торгсин, выменяв на них продукты. Судьба кон-

вертика осталась для меня неизвестной, но ювелирных «семейных реликвий» на момент моего появления у нас точно не было :))

Прибывших родственниц Фрося с мужем почти сразу пригласили в гости.

Бахчисарай в то время был типичным татарским городом, где на улицы смотрели лишь глухие, высокие стенки заборов, а сами дома был в глубине дворов. Идешь по улице: забор – ворота, забор – ворота, и всё одинаковое, без единого оконца. Не зная точного расположения, можно было запросто заплутать.

Пока взрослые вели свои долгие, скучные для маленькой девочки беседы, Лидочка играла во дворе: изучила обстановку, попрыгала на одной ножке... Но вскоре и это ей наскучило. Потихоньку, осторожненько, она выглянула из приоткрытых ворот, наружу ... Посмотрела в одну сторону, в другую... По улице люди разные ходят – всё интереснее для приезжей девочки, чем пустой двор да взрослые разговоры! Особое впечатление произвели на неё местные татарочки: у многих лица были наполовину скрытым платками.

И чтоб увидеть хоть чуточек побольше – девочка вышла за ворота.

Тем временем, дело шло к вечеру. И разумница Лидочка не стала отходить от ворот далеко – лишь на два шажочка!...

Через город протекала река Чурук-Су, делая климат в Бахчисарае более влажным, поэтому в прохладных местных подвалах частенько проживали весьма упитанные жабы.

Один из таких подвалов располагался и во дворе тети Фроси, рядом с калиткой. И только девочка собралась шагнуть обратно, во двор... Снизу, по подвальной ступенькам, споро выбралась огромная жаба, в несколько прыжков достигла калитки, и, уставившись на малышку, застыла – прямо посреди прохода! Как тут не вспомнить историю про Дюймовочку! Совершенно безобидная Жаба одним своим видом вызвала у ребёнка такой страх, что Лидочка на всю жизнь запомнила эти огромные, немигающие глаза амфибии, похожие на очки (и почему-то вызывающие ассоциации с водлазом – тоже, кстати, в своем роде, земноводным :)).

Как назло, калитка была узкая, и разминуться с жабой, явно чувствующей себя тут хозяйкой, было невозможно... Ну, раз нельзя идти вперед – значит, надо повернуть назад! И Лидочка решила вернуться к тете Марине, у которой они остановились (та в гости не пошла). Девочка помнила, что шли они от дома тёти Марины совсем недолго. «Вот сейчас я за угол заверну, и будет та самая калитка!...» – рассуждала девочка. И вскоре уже заглядывала в почти знакомые ворота... Но нет, это была не та калитка! Потому что у тети Марины во дворе росла большая шелковица, а в этом... в и этом... и в этом дворе – тоже! – никакой шелковицы не было!...

Бегала-бегала бедная Лидочка, с учащенно бьющимся сердечком, по чужой улице – заглядывала во дворы, но никак не могла отыскать нужный! И вот уже совсем стемнело...

Неподалеку обнаружился подвал со ступенькой, в котором размещалась какая-то контора. Маленькая Лида примостилась на ступеньку и – терять уже было нечего! – заревела в голос.

К ней подошли две женщины: «Ты что, девочка, плачешь?» Лидочка, как могла, обстоятельно объяснила всю ситуацию. «Идем с нами! Сегодня переночуешь у нас, а завтра

найдем и твою тетю Фросю, и тетю Марину!»». Однако девочка, хоть и сквозь слезы, но твердо сказала : «Нет! Ведите меня в милицию! Иначе с вами я никуда не пойду!»». И женщины ушли ни с чем.

(Видимо, воспитание, связанное с правилами безопасности, в бабушкиной семье было на должном уровне – и я с полным правом могу сказать, что для меня это просто замечательно! В смысле – для моего наличия в этом мире...)

Не знаю, как сейчас, а в 1927 году люди в Бахчисарае жили добрые, душевные, и вскоре вокруг плачущей русской девочки собралась целая толпа. Местные жители спрашивали друг у друга и у зареванного ребенка – в чем дело, а узнав, наперебой звали малышку к себе, ночевать.

Но Лидочка упрямо стояла на своем, и требовала, чтоб ее отвели не домой к незнакомым людям, а напрямиком в отделение милиции... И тут, на ее счастье (и, безусловно, на счастье окружающих), подошел настоящий милиционер. Девочка очень обстоятельно ему все рассказала – начиная от момента их приезда, и заканчивая перечислением всей местной родни, с указанием – кто где и кем работает... И только вот так, с милиционером за ручку, покинула общее собра-

ние.

Милиционер повел ее вдоль реки – на почту, где работала Фрося.

Внезапно навстречу им показалась процессия – тетя Фрося, ее муж, дядя Христофор – с пучком крапивы в руке, а за ними тетя Марина и мама.

При виде крапивы Лидочка уцепилась за дядю милиционера крепко-накрепко и приготовилась самозащитно рыдать еще горше, чем до этого, но таких мер не потребовалось. Ни у кого из взрослых не поднялась рука нахлестать крапивой бедного зареванного ребенка. Зато уж запомнилось это приключение на всю жизнь...

В Бахчисарае мама и дочка пробыли все лето. За это время они несколько раз посещали тетю Юлю в ее монастыре. На девочку огромное впечатление произвели вырубленные в горе кельи, большие ворота, и огромные деревья внутри, за воротами, на территории монастыря. В кельи и другие помещения вели вырубленные в горе ступеньки. Внутри кельи тети Юли был только деревянный топчан, а окна не было совсем.

(Вспоминая об этом, я невольно задумываюсь: каким же огнем должна полыхать в человеке Вера, чтобы он смог добровольно пойти жить в такую вот «квартиру»?)

Лидочка с мамой побывали и на экскурсии по горе Чуфут-Кале, где жил татарский хан. Раньше там был город, и до сих пор сохранились остатки стен, булыжные мостовые, канавки для стока воды... В пещерах были вырублены комнаты, а окна выходили прямо в пропасть, куда, как гласила легенда, хан выбрасывал неверных жен... Экскурсанты посещали настоящий ханский дворец, осматривали помещение гарема, из которого Лидочке более всего запомнились россыпи подушек на полу, ковры, и очень яркий орнамент, с синим, красным, зеленым цветом – на всех предметах обстановки.

На территории дворца были и многочисленные постройки для прислуги. Экскурсанты так же внимательно их осматривали, под рассказы о тяжести дореволюционной жизни местного населения (от находившихся тут очевидцев).

Возле известного памятника Марии Потоцкой («Фонтана слез») экскурсовод читал проникновенные стихи Пушкина.

кина, которые поэт посвятил этому месту («Фонтан любви, фонтан живой...»). Впечатление на Лидочку это произвело необычайное, и позже она с удовольствием открывала для себя все новые и новые произведения Александра Сергеевича, и многие его стихи помнила наизусть всю жизнь.

P.S. Дата у общей фотографии, к сожалению, отсутствует, зато здесь большинство главных действующие лица сей истории: в верхнем ряду: дядя Христофор и тетя Фрося. В нижнем – баба Стефча и тетя Марина, посредине – Лида. Кроме имен, никаких данных на фотографии нет, но я предполагаю, что примерно год 1931-й, и вряд ли Бахчисарай – скорее, Кадиевка, где собрались сестры с семьями у своей мамы.

А вот вторая фотография была найдена недавно, и здесь именно та девочка, которая бегала по Бахчисараю и требовала отвести ее в милицию... то есть шестилетняя Лидочка!

P.P.S. Мне сообщили, что в сентябре 1927 года, оказывается, было очень большое землетрясение в Крыму. Я же, несмотря на то, что действие моих рассказов происходят именно в этом регионе, никогда ни от кого из родных о нем не слышала. Этому есть вполне разумное объяснение*...

Но главное: вот живой пример, как можно, излагая историю, невзначай пропустить событие, наверняка изменившее жизни многих людей. И сколько таких "пропусков" при изложении событий прошлого века! Ведь так удобно, что очевидцев уже нет с нами, а новая поросль – абсолютное большинство – знают историю только с подачи популяризаторов (увы! не всегда порядочных, не всегда грамотных). Как просто управлять тракторкой "дел давно минувших дней" – в нашем, таком засыпанном информацией, и таком безграмотном 21-м веке...

...Вот такой вот неожиданной вывод из маленькой истории с маленькой девочкой получился!

*Лидочка с мамой побывали там до землетрясения, уехали домой до осени 1927 года, а потом Бахчисарай, согласно сведениям из интернета, сильно не пострадал – из-за особенностей своего географического расположения. Так что не пострадали ни тётя Фрося с мужем, ни тётя Марина. Что же касается горного монастыря, гораздо более уязвимо для природных катаклизмов – скорее всего, с тетей Юлей случилось несчастье, так как больше упоминаний о ней нет, и на этой фотографии ее нет тоже. Но маленькой Лидочке, видимо, по

каким-то причинам об этом не рассказывали, да, видимо, и взрослой – тоже...

3. Хозяйственная девочка

На фото: 8-летняя Лидочка с братом Шуриком, папой и мамой. 1929 год.

В 1929 году, как раз когда восьмилетняя Лида закончила 1-й класс – на залежах железной руды Камыш-Буруна, в городе Керчь, начали строить (точнее – отстраивать заново, после пожара) металлургический завод имени Войкова. Туда и переехала вся семья Никоновых. Папа Лиды получил работу машиниста на паровозе, который совершал рейсы внутри завода.

В заводском поселке вновь прибывшему семейству сразу выделили 2-х комнатную квартиру, причём, со всеми чудесами современного комфорта того времени: водопроводом (это была раковина) и паровым (а не печным!) отоплением. И кухней. И только туалет по-старинке находился на улице – все-таки это был 1929 год, так что до этой «части светлого будущего» в каждой квартире было еще ох как неблизко.

Дом был 2-х этажный, из белого крымского «ракушечника»*, который при добыче пилили на блоки, величиной примерно как 4 обычных кирпича.

Одновременно с заводом возвели и внедрили инфраструктуру для новых жителей – фабрику-кухню, пищевой комбинат, детские садики, школы.

Потом Лидочкиного папу назначили освобожденным секретарем партийной организации на заводе (в коммунистическую партию он вступил в 1924 году). На работу он добирался теперь дольше, 40 минут, на автобусе, так семья Нионовых сменила место жительства, и теперь проживала уже в центре Керчи.

Новая квартира тоже была 2-х комнатная, на втором этаже.

Но этот дом был старый. Ранее он принадлежал владельцу местной табачной фабрики, греку Мисаксуди. Грек выстроил этот дом для своих рабочих, не для себя. Видимо, поэтому ни о каком водопроводе речи не было, и за водой приходилось ходить к общественному крану – метров 500. А всего на всю улицу (Советскую) было два крана. Помои также выливались на улицу, и туалет был на улице, а отопление – печное. Зато комнаты были красивые, с высокими потолками, а потолки – с барельефом. И печка была обложена белым кафелем.

На 6 квартир была одна общая веранда (терраса). Фактически – это была обычная коммуналка, как их показывают в кинофильмах, только с коридором на свежем воздухе.

У каждой двери стояла табуретка или ящик, где и готовили еду в летнее время, так что все соседи были в курсе – в какой семье кто и что варит.

Там и жили до самой войны. И там же Лида варила свой первый в жизни томат (томатную пасту-соус). А получилось это так.

Семья Лидочки (из-за папиной работы) была прикреплена к магазину партактива, где выдавали продукты и промтовары по норме (по талонам) – крупы, сахар и ткани (в основном – ситец). Однажды выдали по 2 ведра помидор. Мама была в то время в санатории, в Одессе – лечила больные сердце и легкие. И, хотя Лиде было всего 10 лет, посоветовавшись с хозяйками-соседками, она практически совершенно самостоятельно сварила из выданных овощей «томат», томатную пасту. И этот «первый блин» вышел отнюдь не комом!

Был и еще один, очень памятный для всей семьи, случай, когда Лидочка проявила самостоятельность и инициативу. Папа с мамой уехали в отпуск, посчитав, что сын и дочка уже достаточно взрослые, да и соседи рядом... ну что может случиться? Некоторую сумму хозяйственной девочке оставили на покупку продуктов и прочее. Безусловно, взрослые все равно волновались – как дети будут одни, не потратят ли деньги на всякую ерунду, будут ли держать их в надежном месте, чтоб не воспользовались нечестные люди... Разумница дочка же, пристроив деньги по своему усмотрению, и справедливо рассудив, что родители должны иметь полную информацию, послала им вдогонку телеграмму: «Папа, не волнуйся, я деньги спрятала в диван!».

Вот такая была взрослая, хозяйственная девочка :)

—

* крымский ракушечник: камень с солидным возрастом породы – более 550 млн лет в основе которого раковины-панцири морских обитателей

4. «Шмоточные» вопросы

На фото: Лида в 7 классе, 1934-1935 год.

После переезда всей семьи в Керчь (1929 год), Лидочкина мама почти сразу устроилась на работу – в школу, деловодом (так раньше называли делопроизводителей). В её обязанности входило также «доставать» школьникам ботинки, а потом бесплатно распределять их нуждающимся. При такой (как показалось бы кому-то в наши дни – "прибыльной") работе, собственному сыну бесплатных ботинок она и не думала «распределить», поскольку считала что их семья живет лучше прочих.

Некоторое время она проработала в школе, но потом выяснилось, что для семейного бюджета гораздо лучше, если мама – неработающая домохозяйка, поскольку в домашнем хозяйстве, как и по всей стране, нужна была строжайшая, требующая разумного подхода, экономия. Кроме того, врачи обнаружили у неё полиартрит, так что, в конце концов, муж настоял на увольнении, то есть на "переводе" супруги обратно, в "домработницы".

А что вообще носили в конце 20-х годов прошлого века школьники в городе Керчь, в чём бегали во дворе, ходили по улице, в школу...?

Летом у детей обуви, как правило, не было вообще. Один раз маленькой Лидочке купили «плетенки» из мягкой соломы. Но их тоненькие, хлипкие подошвы совсем протерлись за несколько летних недель...

Первые более-менее приличные туфли появились у девочки во втором классе. Так называемые «торгсинки», больше напоминающие кеды – тряпочные туфельки с резиновой подошвой, белые, с голубым кантиком по краю, с перемычкой и прямой подошвой, надеваемые по особым случаям. "Хозяйственная девочка" изо всех сил берегла их, начищала зубным порошком – дабы сохранить их первозданную белизну. Но детские ножки так быстро вырастают из любой, даже тщательно оберегаемой обуви...

Первые "настоящие" туфли: купили в 6 классе, в Москве, куда Лида приехала в гости к самой младшей из сестер своей мамы. Туфельки были без всяких признаков каблука, светло-коричневатые, с перемычкой, из кожи или кожзаменителя.

Первое пальто: из коверкота, светло-коричневое, досталось Лидочке только в 9 классе. Для этого они с мамой

несколько ночей стояли, отмечались в очереди в «швейпром»(мастерская по пошиву). В нем же 20-летняя Лида и поехала в эвакуацию осенью 1941 года. Зимнего пальто у неё не было совсем.

Первая крепдешиновая кофточка, белая: пошили на выпускной вечер. До этого девочка ходила только в скромненьких, ситцевых блузочках. Младшая мамина сестра передавала родным свои старые платья, а мама перешивала эти платья в кофточки, да и вообще все шила сама, так как готовой одежды не продавали*. Лиде же приходилось только вышивать воротнички, что, впрочем, она делала с удовольствием**. Школьной формы, в современном понятии, тоже не было.

Пальто Лидочкиного папы, хоть он и был партработником, тоже бесконечно перелицовывалось, так как пошить новое не было материальной возможности.

P.S. Всё вышеперечисленное в этой главе вспоминалось исключительно по моей просьбе – настолько эти «шмоточные» вопросы были мелки и незначительны в той жизни, что сами по себе в памяти никак не всплывали, в отличие от....

* Честно сказать, в 20-й раз посмотрев на фото к части 7, я обратила внимание на то, что у трех девочек из пяти абсолютно одинаковые свитерочки(не представляю такую ситуацию сейчас!), что означает, что готовая одежда все-таки была. Понятно, что если они пошли фотографироваться в одинаковом – значит, её было так мало, что одно наличие в гардеробе позволяло вообще не принимать во внимание, что на подружках надето точно такое же изделие. Возможно, это такая же, как и ботинки, "распределенная" одежда. Или к концу 1937 года снабжение города всё-таки начало улучшаться...

** Вышивание было бабулиным хобби в течение долгого времени, а слова «ришелье», «мулине», и с особым тщанием украшенные, маленькие наволочки и салфеточки остались мне на память.

5. Керчь. Дела сердечные

На фото: Лида в августе 1935 года, между 7 и 8 классом.

Город расположился у самого Керченского пролива, на Керченском полуострове, и в хорошую погоду, стоя на берегу, всегда можно было разглядеть противоположный берег, Кавказский – Тамань.

В 30-х годах прошлого века Керчь делилась на 4 района: Горка (на склонах сердца Керчи – горы Митридат), Солянка (где находился судоремонтный завод), Корецкий хутор (переходил в деревню) и Центр (где и жила семья Лиды).

Весной все школьники бегали на Митридат, а когда начинали цвести тюльпаны – отправлялись пешком через степь и доходили до Азовского моря (Керчь стоит на полуострове, разделяющем Черное и Азовское море).

Через Керченский пролив ходили паромы на Кавказский берег.

Там, в Темрюке, был Лидочкин пионерский лагерь, куда она поехала после 3-го класса (кстати, проводить

ее приезжал только папа). От этого периода жизни навсегда остались в памяти обширные виноградники, полные янтарно-желтым виноградом.

В лагере Лида впервые стала свидетелем настоящей трагедии: паренёк постарше повис на дереве и зацепил сучком артерию. Девочка отчетливо видела, как с локтевой ямки у него фонтаном забила кровь. Хорошо, что вовремя подросла медсестра: сразу, профессионально, наложила жгут и отправила пострадавшего в больницу.

С наступлением весны, на зеленых склонах Митридата разворачивалось еще одно ежегодное, традиционное действо: устраивались кулачные бои («стенка на стенку»). Начинали их дети (в качестве разрешения споров за территорию, за район), чуть не первоклассники, а заканчивали взрослые бородачи. На эти бои ходили смотреть все, кто не участвовал: кричали, «болели» по-настоящему, как на футболе.

Вечером все – «и стар и млад» – выходили на улицу.

Но появляться на чужой территории (районе) никому не рекомендовалось.

Первый поклонник у Лидочки появился в 6 классе (я думаю, что новые, «всамделишные» туфли сыграли не последнюю роль!:) – Володя, друг брата Шурика, старше Лиды на год (в "его честь" через 7 лет будет назван её первенец).

«Ухаживание» заключалось в том, что они вместе играли в мяч и классы, стояли – разговаривали, и даже подтягивались на воротах своих домов*!

Тем временем и в школе на Лиду тоже «положили глаз» – мальчик Алёша, живший в другом районе – на Солянке. И вскоре, под предлогом «А, так ты с другого района!» Володю на Солянке изрядно поколотили.

Лидочка, крайне напуганная таким поворотом событий, стала общаться с Алешей. Как настоящий кавалер, он пригласил её покататься «на лодочке». Лодки для катания были на специальной водной станции, на бульваре (который потом превратился в Парк Культуры и Отдыха).

Однако помня о хулиганском характере Алёши, девочка поставила ему условие: «Кататься – только вместе с моей мамой!», и, как ни странно, Алёша согласился. Он сам взял на час лодку, заплатил, да еще и сам греб, а Лида с мамой

сидели в лодке, как настоящие дамы. Но то ли мальчик испугался, что теперь на каждом их "свидании" будет присутствовать суровая мама, то ли была еще причина... в общем, никакого продолжения у этих "отношений" так и не получилось.

Вот такие романы среднего школьного возраста были в конце 20-х годов прошлого века :).

—

* Я все-таки думаю, что на воротах подтягивались только мальчишки :)

6. «Учебная» диета. Куда пойти учиться?

На фото: 30.10.1937 года, 10-класснице Лиде 16 лет, пора бы уже точно определиться с выбором пути в дальнейшей жизни...

Когда Лида училась в 10-м классе (1938 г), в Керчи появились первые магазины типа «Гастроном», в которых продавались совершенно немыслимые продукты: сыр «Голландский» и ветчина. Мама покупала сыр по 100 г – и только для дочки, поскольку та готовилась к экзаменам: и выпускным, в школе – и вступительным, в институте.

Вот относительно института мнения Лиды и ее мамы сильно расходились.

Мама мечтала, что ее дочка поступит обязательно в медицинский институт, поскольку врачи всегда были очень уважаемыми, хорошо обеспеченными людьми.

А у дочки было отчаянное желание поступать в Москву, в физико-математический институт, поскольку в школе у нее был прекрасный преподаватель по математике, и получала Лида по этому довольно сложному предмету одни пятерки.

Но мама привела последний аргумент: до Москвы поезд идет аж двое суток, и это просто невозможно как далеко, тогда как в Симферополь идет прямой – из Керчи, и всего 9 часов.

И это оказалось действительно очень удобно в дальнейшем: когда Лида училась в Симферополе, мама время от времени передавала ей с поездом посылки – куриную печенку с подливкой (любимое дочкино блюдо), котлетки, пирожки – и так почти все три года обучения. А Лидочкиному мужу, Виктору (поженились они только на 2-м курсе) присылали из деревни, целыми кастрюльками – котлеты, залитые топленым салом. Но к концу их третьего курса, в конкуренцию домашним вкусностям, уже открылись и кафе в Симферополе. В них можно было купить какао и к нему булочку (сверх общей нормы*). Туда ходили, когда – о чудо! – оставались деньги от стипендии. ...

Школе, где училась Лида, было присвоено имя лейтенанта Шмидта (один из руководителей Севастопольского восстания 1905 года) и получали образование в ней, в основном, дети "водников".

Вот те из школьных учителей, которые навсегда остались в Лидочкиной памяти и в сердце.

Учитель математики, Виктор Ильич: мужчина средних лет, очень обаятельный – высокий, статный, седоватый,

в очках, сумевший привить школьникам искреннюю любовь к такому, казалось бы, сухому предмету. Вместе с тем – очень строгий, серьезный. Немногословный и не улыбочивый. Но вот говорящий за себя факт: пять человек из класса поступили в мединститут, при конкурсе 3 человека на место, и по математике на вступительных экзаменах у всех были пятерки.

Под обаяние Виктора Ильича попадали все – и мальчики, и девочки. И все начинали учиться с удвоенным рвением, лишь бы получить заслуженное одобрение от любимого учителя. При домашнем задании 6-7 задач, школьники решали в два раза больше, причем, обменивались друг с другом задачами (а не решениями!). Дело дошло до того, что погруженной в такие заманчивые, но, порой совершенно непроходимые джунгли сего предмета, Лиде однажды приснилось решение задачи по геометрии: надо было опустить перпендикуляр, чтобы разделить треугольник, узнать длину стороны и... На следующее утро она получила очередную честную пятерку!

Еще была «немка» – «старорежимная» классная дама, в парике, высушенная годами старушечка.

Как-то раз, в самую летнюю жару, после физкультуры,

мальчишки остались сидеть на уроке в обыкновенных майках. Войдя в класс, «немка» аж всплеснула руками: «Вакуленко! как можно! Здесь же девочки! В майках!...».

Естественно, изобретательно-жестокие дети, прознав про парик, придумали удочку для его снятия, которую прикрепили сверху, за доской. Оказалось, что бедная старушка почти совсем лысенькая, и эти охламоны семиклассники ржали над ней без всякой жалости ...

Физик: это был страшный мужик в темных очках, сухонький, невысокий. Заходил в класс молча, кивал, садился за кафедру, доставал из кармана записную книжку, проглядывал в ней свои записи (в эти моменты действительно было слышно как муха летит!), одновременно смотрел поверх очков и медленно, тяжело произносил: »Сейчас к доске пойдет... сейчас к доске пойдет ... Никонова!«. Класс вздыхал с облегчением – Лида отвечала весьма подробно и почти всегда – правильно . И, хотя физик спрашивал очень строго, у нее была твердая "4". Впрочем, хотя никто не любил этот предмет, из страха перед преподавателем зубрили – все.

Как– то раз, Лидочкин одноклассник (и по совместительству – воздыхатель), вышеупомянутый Леня Вакуленко, перед уроком физики захлопнул изнутри кабинет, вместе с

сидящей в нем половиной класса и громко прокричал: «Кто первый откроет – тот дурак!». После этого вылез в окно, и по карнизу второго этажа, прошел в расположенную рядом пионерскую комнату (последовать за ним никто не решился). Затем отчаянный хулиган присоединился к тем, кто стоял в коридоре, и вместе с учителем пол-урока там и простоял. Все это было им задумано в качестве мести физику (хотя в результате отнюдь не физика наказали больше всех)!

Если кто-нибудь из педагогов забывал журнал в классе – как и сейчас, все скопом кидались смотреть выставленные оценки ...

Уберите из общей картины жизни «следы научно-технического прогресса»: да многое было тогда – «как и сейчас».

И все-таки, многое было – совсем другим.

—

* Бабушка говорила, что у них только перед 1937 годом начали продавать хлеб без нормы. До этого – рабочим

– 600/400 г, иждивенцам – по 400 г. Однако в Википедии говорится, что карточки были отменены в 1935 году. Может, бабуля запамятовала точный год, может, в разных городах отменяли по-разному, а может и Википедия «косячит» , тоже не исключено же...

7. Жизнь школьная, жизнь классная

На фото: Подружки-одноклассницы 11.10.1937 года (10 класс): Женя – крайняя слева, в верхнем ряду. Лида – крайняя справа, в нижнем ряду. Из пяти девочек – барышень! выпускниц! – трое одеты в абсолютно одинаковые свитероч-

ки. Согласитесь, это говорит о многом, особенно если сравнивать с нашим временем, временем культа потребления... 30-е годы. Керчь.

Лишь только на горе, что зовут сердцем Керчи, по весне начинала прорастать травка, раздавалась команда: «Пошли на Митридат!» – и весь класс дружно сбегал с уроков.

Помните, каким необыкновенно прозрачным и сладким становится воздух с началом весны? А если к этому прибавляется еще и открывающийся вид на море, что неустанно нашептывает сказки о дальних берегах и невиданных, но таких желанных сердцу чудесах? Ну как, как тогда усидеть за партой, когда кажется, что и сам прорастаешь, как трава, как деревья – до самого неба?...

К этим "походам" у керченских школьников был серьезный подход: «с собой» покупали тогда, в 30-е годы прошлого века, городские булочки по 34 копейки и "подушечки" – конфеты без обёртки, по 8-50 за кило.

На вольнице ребята и девчонки с азартом прыгали, бегали, а также исследовали пещеры, которыми так богат Керченский полуостров. Среди школьников (да и не со-

всем школьников, и совсем не школьников) всегда находились любители искать золото – легендарные сокровища царя Митридата.

А уже когда начинали цвести тюльпаны – выходили в степь, и шли, шли, шли... аж до самого Азовского моря. Проходили мимо колхозников, сажающих помидоры – наверняка те ругались на молодых прогульщиков, но что им, молодым...

Класс Лиды, как и многие школьные классы нашего времени, состоял из нескольких «группировок»: «элита» – 11 человек, еще одна часть – девочки, которые уже встречались со взрослыми мальчиками, и последняя – «отморозки»-двоечники. Что касается Лидочки – она была в «группировке», которая выделялась тем, что дружно играла в волейбол.

С будущим своим мужем, Виктором, Лида дружила с половины 9-го класса, а после окончания школы – еще 1,5 года – они так же, «в дружбе» учились в институте (там, в общежитии, у них с самого начала, ещё до свадьбы, был общий кошелек)*.

Во внешкольное время Лидочка, как уже было сказано, увлекалась волейболом: в классной волейбольной команде было 5 девочек и 6 мальчиков (а вообще в школе волейболом занимались около 30 человек). А еще – тиром.

Стреляла она из «мелкашки», причем, довольно метко. На городских соревнованиях по стрельбе Лида заняла второе место: из 50 возможных выбила 48 (1-е место было выдано за 49, всего на 1 попадание больше!), и ей подарили авторучку.

Это был 1936 год, и эта призовая авторучка была одна-единственная во всей школе!

Военной подготовке уделяли много внимания, и во время одного такого урока в классе Лиды произошел несчастный случай.

Школьники стреляли, лежа на матах, но когда неожиданно прозвенел звонок с урока – мальчишки, как всегда, первыми «дернули» бежать. Одна из девочек, целившаяся в этот момент в мишень, не смогла задержать выстрел, и ... прострелила коленку своему однокласснику. Крик, шок, боль, кровь – и всё это в школе, почти на уроке! Нетруд-

но представить, какая суматоха поднялась, какой разразился скандал из-за этого несчастного случая – в те годы, когда личная ответственность руководителей была максимальной! Но кто мог представить тогда, лет за 5 до начала войны – насколько изменилась, в мгновение ока, дальнейшая судьба мальчика из-за этой случайности...

Кроме волейбола и тира, солидное место в жизни Лидочки (как и у её мамы), занимали книги. В третьем классе она прочла "Войну и мир" Л.Н.Толстого, оба тома. Когда училась в пятом классе, из Москвы к ним приехал поправлять своё здоровье двоюродный брат Лёня, шестиклассник. Он ходил в библиотеку, в которой выдавали ещё дореволюционные издания журнала «Вокруг Света», и вместе с ним Лида с интересом читала эти раритеты.

На выпускном вечере Лидочка первый раз попробовала алкоголь – вино... впрочем, нет! На выпускном был уже второй раз, а впервые это произошло на несколько месяцев раньше, когда компанией встречали Новый, 1937 год, только не с вином, а с ликером. Встречали у Жени Филипповой (родители почему-то часто одевали ее как мальчишку) – самой озорной девочки в классе. Даже на фотографии, где все подружки одеты и причесаны «как приличные девочки», по-

моему – это заметно. Жениной семье дали квартиру в новом доме** – сравнительно просторную, поскольку у Жени было еще две старших сестры.

Папа Жени был капитаном корабля. Во время Великой Отечественной войны его корабль подвергся бомбежке. Но умер капитан Филиппов не от шального осколка, не от прямого попадания снаряда, а от гипотермии, после слишком долгого пребывания в холодной морской воде, в попытках добраться до спасительного берега.

–

* Бабушка сказала тогда, внушительно: «Подчеркиваю – ТОЛЬКО ДРУЖИЛИ...»

** Я, в 8-летнем возрасте, ходила с бабушкой в гости в эту квартиру, выданную на 5-х человек – на улице К.Маркса, в Керчи. Двухкомнатная квартира: маленькие спальня и «зал», крохотная кладовочка, кухня, маленький коридор, туалет и ванная. Старенькая мебель – железная кровать и простенькое трюмо с платяным шкафом – в спальне; низенькая этажерка, круглый стол, покрытый скатертью, маленький шкаф с посудой – в зале. Везде накрахмаленные белоснежные салфеточки и занавесочки, под ногами – мягонь-

кие, сверхчистенькие вязанные половички ... Легкий свежий сквознячок из окон, выходящих в тихий, полных пышно цветущих клумб, двор... Идеальная чистота и порядок – как это всегда бывает там, где совсем некому сорить и разбрасывать вещи...

Дом был двухэтажный, и лестничные пролеты внутри подъезда очень впечатлили восьмилетнюю меня: в отличие от таких же наших, бетонных, они были полностью деревянными – не только перила, но и ступеньки, и пол – и все это было авторитетно-темного, почти черного цвета, и мягко поскрипывало под нашими с бабушкой шагами.

Но больше всего меня поразила сама тётя Женья – невысокая, чуть полноватая, с прямой, очень короткой причёской. Красивой я тогда не могла ее назвать – ведь она ровесница моей бабушки, а где вы видели, чтоб бабушки были красавицами, так не бывает! Но черты ее лица показались мне очень приятными, как и голос – негромкий, низкий, но с искрой «колокольчика».

Она показалась мне, одновременно, и очень грустной и очень нервной, а потому мелкая я старалась вести себя тише мыши, чтобы не вызвать её недовольства. Бабушка мне потом потихоньку сказала, что это из-за того, что у тёти Жени все родные, кроме мамы, погибли в войну (муж был мичма-

ном, и его тоже забрала война), а сама тетя Женя теперь всё время болеет.

Война... Неужели кто-то думает, что Её рубцы и отметины в сердцах когда-нибудь совсем исчезнут?

8. Крымский медицинский

КРЫМСКАЯ
МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ СТАЛИНА

На фото: г.Симферополь 1938 год. Лиде 17 лет

В том далеком 1938 году в Крымском медицинском институте имени Сталина, в г. Симферополе, было три факультета, и места для поступления распределялись среди них так: наибольшее количество – на лечебном факультете, чуть поменьше – на педиатрическом, а замыкал этот маленький "рейтинг" санитарно-гигиенический факультет*.

Процесс поступления был много проще чем сейчас: сначала все сдавали общие экзамены, а потом абитуриентам предлагали выбрать факультет по собственному желанию. Вступительных экзаменов было четыре: русский (устный и письменный, то есть сочинение), математика и немецкий.

Надо сказать, что в Лидочкином школьном аттестате, в парадном строю среди пузатеньких, кругленьких пятерок затесалась только пара остроносых четверок: по физике (которую никто в классе не любил), и – вот невезение! – по немецкому языку. Но, видимо, Судьба уже сделала в своем реестре нужную запись, и с переводом немецкого текста на экзамене 17-летняя Лида справилась весьма успешно!

Поскольку немецкий Лиде всё равно не нравился, в

институте она стала изучать английский язык. И за полтора года обучения освоила его настолько, что «Волшебную лампу Аладдина» читала свободно, с полным пониманием (точно сказать не могу, но полагаю, что все-таки это был адаптированный вариант).

Крымский мед в то время считался очень сильным институтом, поскольку половина его профессорско– преподавательского состава были евреями **. И неудивительно, что обучаться в нем желало немалое количество абитуриентов(и, соответственно, студентов) из других городов, других республик Советского союза.

Тем более, что приезжим студентам были созданы все возможные на тот момент условия для обучения: при институте наличествовал обустроенный институтский городок. Комплекс общежитий – для профессорско-преподавательского состава, студентов, семейных студентов – был дополнен необходимой инфраструктурой: ясли-сад, спортзал, столовая. И все это утопало, по-южному, в пышном благоухании бесчисленных клумб с розами – целый квартал от вокзала до Кольцевой, включая бульвар Ленина.

С самого начала Лиду поселили на первом этаже обще-

жития для одиноких студентов, в одной комнате с еще пятью девочками. А когда она вышла замуж (в конце второго курса), то комнату в семейном общежитие, на втором этаже, ей с мужем дали только в связи с наступившей беременностью. Видимо, очень уж много было студентов, которые сочетались браком в институте. Счастливое время...

Чем же занимались в свободное от учебы время, как жили студенты-медики в конце 30-х годов прошлого века?

Без интернета и телевизора, досуг был простым и здоровым: ходили в спортзал, в кино, играли в волейбол...

Теплый климат края располагал к тому, что большую часть времени студенты проводили на улице. А однажды, 20 марта 1941 года в Симферополе обильно выпал пушистый снег. В наши дни, в таких случаях, мы обычно судачим, что погода совсем свихнулась и вот-вот начнется полный коллапс природы – то ли глобальное потепление, то ли новый ледниковый период. Но в те года мысли о подобных ужасах не посещали молодые головы, и студенты весело высыпали из "общаги" на бульвар имени Ленина, где под укутанными в белые "подушки" ёлками с детской радостью играли в снежки и обсыпали друг дружку неожиданным, прощальным подарком.

ком Деда Мороза.

Столовая была не бесплатная, но очень дешевая. В зале висело огромное полотнище с лозунгом: «Аппетит приходит во время еды». Остроумной молодежи было трудно пройти мимо такого, и вскоре слово «приходит» оказалось исправлено на «проходит». Питались в столовой очень многие: только на первом курсе – 300 человек, а ведь были еще и старшие курсы. Да, родители немножко помогали всем, но именно – немножко. Вышеупомянутые котлеты с салом и жареная печенка с пирожками были – увы! – достаточно редки.

Перед стипендией, когда – классически! – денег не оставалось совсем, студенты ели хлеб с чесноком и представляли, что едят колбасу... Однако, это не было «причиной для тоски», а наоборот – поводом для шуток, поскольку в таком образе жизни у будущих советских медиков наблюдалось, практически, полное единодушие .

Один из Лидочкиных сокурсников, мальчик-белорус, был из детского дома, слать пирожки ему было некому, и потому его товарищи радушно делились с ним своими «домашними» посылками. Да и вообще невозможно представить, чтобы в «общаге» кто-то хозяйственно уплетал присланное

в одну одинокую личность, не поделившись с соседями, друзьями, и просто тем, кто проходил мимо. Тем более – в те далекие времена, когда люди были куда ближе друг к другу в повседневной жизни.

Лидочкин будущий муж, Виктор, был соседом по комнате еще двум ребятам: Джаферу (из Бахчисарая) и Васе Пузыревскому. Вася вечно был голоден, и как-то раз поспорил с приятелями, что запросто съест полкило халвы с булочкой, причем, за один раз и без капли воды. На такое зрелище в комнате собралась толпа студентов, и Лидочке надолго запомнилось, как бедный Вася, под подбадривающие выкрики, доедал последние кусочки, едва двигая стянувшимися от халвы челюстями...

Виктор оказался в Керчи (в одном с Лидой классе, а потом – и в одном институте) из-за печальных обстоятельств. Он был младшим сыном в семье, жил с матерью и отцом в деревне. Отец был середняк, но семья обладала весьма обширным подсобным хозяйством. Старшая сестра жила в Керчи, а старший брат, Иван, работал трактористом в деревне под Джанкоем.

Когда отец умер, сестра забрала Витю к себе, в Керчь.

Мальчик строил планы на поступление в Севастопольское военное училище, но увы, так называемое «социальное происхождение» напрочь закрывало для него карьеру военного кадрового моряка.

Осознав, что с военным училищем он потерпел неудачу, Виктор подал заявление в мединститут, и поступил туда. Правда, только благодаря своей будущей супруге.

Дело в том, что у Виктора были серьезные проблемы с русским языком***, а у Лиды – отличная зрительная память, которая в сочетании со страстной любовью к чтению, позволяла писать практически без ошибок. Поэтому когда пришло время вступительного сочинения, на которое отводилось 4 часа, Лида быстренько написала свое, а за оставшееся время продиктовала сочинение Виктору (благо – помещение для экзамена было огромным, и сидели они далеко от экзаменаторов, на самой «камчатке»). В результате Лидочка получила «пятерку», а Виктор – «4».

Но «нет ничего тайного, что бы не стало явным»! После сочинения был устный экзамен по русскому языку, где правда, практически, выплыла наружу. В предложении из четырех строчек (экзаменуемые писали на доске) Виктор сделал 6 ошибок. Однако, женщина-экзаменатор, посмотрев

на доску и на сочинение, не стала требовать объяснений. Вздохнула, сказала «стирай и садись!», и.. поставила проходную «3»!

Так и Лида, и ее будущий муж Виктор стали студентами-медиками.

—

*Я, человек далекий от медицинского образования, конечно же спросила бабушку – что это за зверь такой, какая профессия потом ожидает его выпускников. На что бабуля, саркастически хмыкнув, заметила «Это те, кто потом ходил проверять магазины и выходил оттуда с полными сумками». Безусловно, это была шутка. И в далеком (тогда) будущем я узнала, что эти самые «полные сумки» несли в лабораторию, на проверку бабушке моей подруги. Ведь именно этим и занимались выпускники санитарно-гигиенического факультета: проверяли продукты, потребляемые населением, на предмет вредных веществ и вредоносных бактерий, чтоб не допустить массовых отравлений и эпидемий.

** В бабулиных устах это была констатация факта, не больше – не меньше: было именно такое общее мнение на

основании именно такого признака.

*** По выражению бабушки – «"Корова" через «ять» писал!». Но, в конце концов, не всем же быть отличниками...

9. перелом

На этой фотографии, на обратной стороне надпись, бабушкиным почерком: «гор. Симферополь. Общежитие Крым мединститута». (под окнами – бульвар Ленина, именно тут шли танки) И вторая надпись, тоже бабушкиной рукой, но другими чернилами и, очевидно, сделанная в указанную дату: «Армавир 10/X-41 г. Не в шумной беседе друзья узнаются. Они познаются бедой. Коль горе нагрянет и слёзы польются, Тот друг, что заплачет с тобой.» Эти немудреные, и в то же время, очень точные слова – то, что было тогда в сердце у 20-летней Лидочки...

Симферополь. 1941 год.

Это лето обещало быть крайне жарким для 20-летней Лиды, и не только из-за погоды.

Во-первых, в мае прошлого года (в конце второго курса) они с Виктором, наконец, поженились, и теперь Лидочка собиралась стать молодой мамой – через несколько месяцев.

А во-вторых... самым важным для будущих медиков (на данный момент) были уже подходящие к концу экзамены, за третий курс. Как раз по этому поводу Лида с подружкой и сидели сейчас на подоконнике общежития – 22 июня, ни свет ни заря – аж в 4 утра! – чтобы, как и в предыдущие дни подготовки, позанимавшись в эти самые тихие, самые

продуктивные для обучения часы – до полудня, потом не менее продуктивно отдохнуть.

Вдруг на улице раздался, всё нарастая, страшный грохот, лязг металла – по бульвару Ленина, прямо под окнами общежития, один за другим, шли танки. Наши, советские танки.

Вскоре стал слышен другой грохот – более тихий, более далекий, но от этого куда более зловещий...

В полном недоумении и тревоге прошли долгие, томительные в своем ощущении беды, часы.

Позже по радио прозвучали* те самые слова, которые сейчас известны всем: «Сегодня... германские войска напали на нашу страну...». И от кого-то стало известно, что далекий грохот – это была бомбежка лётной школы близ Севастополя, в Каче.

... "И треснул мир напополам"(с). Нельзя сказать, чтоб прежняя жизнь Лиды была легкой – нет. Но она вела – как крепкая, надежная дорога, по которой хорошо шагать солнечным звонким утром, и даже если уже усталость берет

своё, и тяжело – знаешь, что впереди будет, точно будет светло и спокойно, и можно будет отдохнуть. И это будущее – не просто мечты, оно уже вполне реальное, потому что выстраивается собственным честным трудом, и трудом тех многих людей, кто рядом... то самое светлое будущее, сейчас уже безнадежно нами забытое, или упоминаемое лишь с горьким сарказмом...

... Перекрывая тот свет, что солнцем сиял впереди – загрохотала, посыпалась чёрная, беспощадная лавина войны. Многих – смяла под собой, перемолола, отбросила, изувечила... Не только у Лиды, но у каждого из этого огромного числа людей – миллионов, попавших под эту злую силу (вы просто остановитесь на миг и задумайтесь, сколько это – миллионы живых людей!) – у каждого человека, с его идеями и планами, с надеждами, радостями, печальями – жизнь переломилась, будто тонкая веточка.

И на этом изломе, делящем мир на "до" и "после", у каждого человека в нашей стране стояла одна и та же, общая дата – выгравирована, выбита, впечатана в душе, навечно – 22 июня 1941 года.

... Многократно перечитывая эти строки, я спрашиваю себя: мы, сидящие за компьютерами и непрерывно жалующиеся на плохие условия жизни; где бы мы сейчас были –

если бы не люди, заслонившие нас от той чёрной лавины (что катилась напрямиком из цивилизованной Европы), заслонившие собой – нас, своих еще не рожденных, не знакомых им детей, внуков, правнуков, пра-пра...? А БЫЛИ БЫ мы сейчас...?

... Когда война только началась, почти все в Крымском меде – и студенты, и преподаватели – были твердо уверены, что эту гадину, уже ползущую по нашей земле, вот-вот раздавят, у самой границы... И институт все закончат спокойно, и мирная жизнь снова будет радовать прекрасными минутами труда и покоя.

Поэтому, несмотря на постоянную, гнетущую тревогу, сокурсники сдали экзамены и разъехались по домам. Сама Лидочка с мужем провела каникулы под Джанкоем – у Ивана, старшего брата Виктора.

В августе все ребята и девочки снова съехались в институт, так как собирались продолжать обучение, в обычном порядке. Поскольку – да это же очевидно! – война закончит-

ся, если не в ближайшие недели, то в ближайшую пару месяцев – точно!...

...Всех студентов собрали в актовом зале и сообщили примерно следующее:

«Не разбегайтесь. Есть распоряжение правительства сохранить весь наш институт как единицу и эвакуировать в Армавир Краснодарского края эшелоном – преподавателей, а также второй и третий курс.».

И студенты мединститута, в ожидании эвакуации, занялись делами, имеющими очень мало общего с медициной: на территории студенческого городка они рыли окопы** , точнее – зигзагообразные канавы-щели, прикрытые палками, досками, присыпанные сверху землей, чтобы прятаться при бомбежке.

Это была уже не превентивная мера: бывало, трижды за ночь объявляли воздушную тревогу. В конце концов, Лидочке с Виктором уже настолько надоело каждый раз вскакивать, хватать коробочку с документами и куда-то бежать, что некоторые объявления воздушной тревоги они, 20-летние, стали просто игнорировать. Тем более, что Лидочке всё

труднее и труднее давались эти ночные "пробежки" – из-за подрастающего животика.

И вот что интересно: среди студентов и преподавателей даже не было разговоров о том, что нужно прервать обучение. Только студенты 4-5 курсов получали ускоренные дипломы и отправлялись на фронт или, согласно указанию, в больницы тыла. А остальные дружно собирались эвакуироваться, согласно приказам руководства института и города. То ли потому, что понимали – стране как никогда требуется много квалифицированных медиков, то ли потому, что авторитет старших был тогда очень силен.

–

* Бабушка сказала, что объявлял Левитан, но в интернете по этому поводу противоречивая информация. Я нашла, что объявлял в полдень и Молотов, но тут же написано, что «Примечательно, что такие маршалы как Жуков и Рокоссовский в своих мемуарах тоже писали, что первым сообщением передал диктор Юрий Левитан.»

** «глубиной – как могила» – по сравнению бабушки. Думаю, это не только характеристика размера.

10. Эвакуация. Армавир

Гор Смерфери
Общественное Кримилогич

г. Армавир 10/X-41г.

Не в шумной беседе друзья
узнаются, они познаются
бедой/Коль горе настанет и слёзы
полюются/ Тот друг, что
заплачет с тобой."

Надпись на обратной стороне фотографии, бабушкиным почерком (фиолетовыми чернилами): "г. Армавир, 10/X – 1941 г. Не в шумной беседе друзья узнаются/Они познаются бедой/Коль горе настанет и слёзы польются/ Тот друг, что заплачет с тобой."

Когда-нибудь история рассудит – кто был виноват в том, что подготовка к эвакуации в Крыму затянулась, и время, драгоценное время было упущено.

К сентябрю 1941 года немецкие войска перерезали железную дорогу, соединяющую Крым с Украиной и, соответственно, Москвой (путь через Перекоп, рядом с озером Сиваш, после которого можно было повернуть на Ростов по ж\д). Таким образом, наиболее простой, надежный, «гуманный» способ массовой отправки людей из Крыма – из Симферополя, из Керчи – эшелонем, по железной дороге, стал невозможен. Такой эшелон ушёл только один: в Нижний Тагил, с заводским оборудованием и необходимыми для его работы людьми: ИТР, квалифицированными рабочими и, по возможности, их семьями. Начальником этого эшелона был Лидочкин папа. Он ехал один: сын остался защищать город, дочь и жена эвакуировались с мед.институтом.

Для медицинского института снарядили несколько автобусов и погрузили в них преподавателей, студентов и студентов (среди последних было некоторое количество с детьми и беременных). И этот «авто-эшелон» двинулся из Симферополя, через Феодосию – в Керчь.

В Керчи, с пристани, переправляли на Кавказский берег всеми доступными плавсредствами всех: и пассажиров «эшелона» мединститута, и тех, кого должны были организовано отправить по железной дороге, другим составом*, да и вообще – всех, кто просто хотел переправиться.

Отправка растянулась на несколько дней.

По ночам не отправляли. Благодаря этому, Лида, которая была на последнем месяце беременности, бегала спать домой. Получилось целых две последних ночи – в доме, в котором прошло, и так внезапно закончилось детство.

Вещи, которые собирали с собой, так и оставались на пристани – удивительно, но их не украли**! – и каждый раз приносили еще «добавку»: то – мисочку для стирки пеленок, то какие-то новые вещи, которые можно было бы, при необходимости, потом продать.

Мама Лиды предусмотрительно пошила рюкзачок для детских вещичек – ползуночков, пеленок и прочего, чтобы носить все это с собой, на плечах – ведь ребенок молодых супругов должен был появиться на свет совсем скоро, и кто

знал – в каких условиях они тогда окажутся...

В это же время пришло решение, что мама едет с вместе со студентами, со своей дочкой, хотя должна была ехать с эшелонном семей заводских ИТР, но не могла же она оставить 20-летнюю Лиду в таком положении – и без своей поддержки.

Перед самым началом войны Лидочкин брат, Шурик, начал «серьёзно» встречаться с девушкой Клавой, и когда разразилась война – они спешно поженились***. Шурик записался в ополчение – защищать город. По его просьбе, Клаву эвакуировали вместе с институтом, как студентку. Полагаю, многим нашим современникам было бы удивительно узнать – на это действительно не потребовалось ни взяток, ни ответных услуг, ни даже обещаний. Просто – взяли, по просьбе ...

...Эвакуируемых распределяли по группам. Давали маленькие и большие пароходы, а так же рыболовецкие катера, весь «перевозочный потенциал» которых был трюм для рыбы, да кубрик на 4 койки, и вся команда – 5 человек... Именно такой (точнее – несколько таких) медицинскому институту и достался.

Настала очередь Лидочкиной группы. В трюм загрузили всех, но там можно было только стоять – стоять вплотную, и метафора «как сельди в бочке» была уже почти совсем не метафорой.

Лиду, в ее светло-коричневом коверкотовом пальто, белом берете, и с огромным, выпирающим животом, поместили в кубрик, на место матроса, находившегося на вахте. Можно сказать, что ей очень повезло: так хорошо знакомое по институту, а сейчас – совершенно измученное лицо знаменитого профессора терапии Батинкова (он вместе с остальными стоял в трюме) Лида запомнила на всю жизнь. Когда судёнышко было уже в пути, сверху, с палубы ей было видно, как время от времени он поднимал голову к 4-х угольному открытому люку и, слабым голосом, умоляюще взывал: «Вынимите меня отсюда!» (именно так – «вынимите», а не «выньте»). При этом его часто рвало, и, поскольку иного выхода не было – он пользовался своей собственной шляпой...

Едва отплыли от Керчи – начался шторм.

Катер, вопреки объявленному, направился не в Черное море – на Кавказский берег, а в Азовское море (городок Приморско-Ахтарск или Ахтари-Приморск – кто как тогда на-

зывал). Оттуда, с побережья, шла железная дорога на Краснодар, на линию, соединяющую Ростов, Владикавказ, Минводы, Грозный и Туркмению.

Из-за шторма пришлось плыть дальше: на море успела опуститься ночь. Катерок бросало бурными волнами, и он мог запросто разбиться о берег, что был сейчас невидим – из-за режима светомаскировки.

Поэтому посудинку направили ближе к косе, на эту косу выбросили якорь, и потом всю ночь вахтенные следили, чтобы катерок не отнесло ближе к берегу.

Ночью Лидочке, по причине ее "серьезного положения" без конца требовалось в туалет. Матрос из кубрика каждый раз выводил ее на палубу – в галюн, который представлял из себя три холщовых полотнища – боковые и переднее, а четвертой «стенки», со стороны моря, не было. С палубы в море немного выдавались доски с характерным отверстием, а ноги оставались на палубе. По бокам были поручни, чтобы держаться. Такое не забывается...

Только на рассвете следующего дня, когда стал виден

берег, и стало возможно подойти к причалу, катерок высадил измученных людей в Ахтарске.

Их привели в здание, напоминающее школу, в небольшое помещение, где все прибывшие сразу же легли вповалку на пол и заснули. Теснота была такая, что человеку, лежавшему у двери (которая открывалась вовнутрь), приходилось вставать, если кому-то надо было выйти. Бедная Лида снова не смогла заснуть...

Руководство Ахтарска оперативно организовало пункт питания, и днем прибывших накормили густой баландой****, выдали по куску хлеба и посадили в поезд.

Следующим пунктом назначения был город Армавир, Краснодарского края – между Ростовом и Владикавказом.

В Армавире новоприбывшим сразу выделили помещение под учебный корпус – трехэтажное здание бывшего техникума. Институт развернули по всем правилам (насколько это было возможно) и прожили в Армавире почти целый год – с 1 октября 41 года до конца июля 42 года. Решением

жилищного вопроса эвакуированные занимались самостоятельно – искали сдаваемые комнаты.

По прибытию в Армавир, Лидочкина мама, оставив присматривать за измученной дочкой – её супруга и золовку Клаву, походив по городу, нашла своей семье квартиру для жилья, а точнее – маленькую комнату. Хозяйка – тетя Катя, худенькая пожилая женщина – сдавала жилплощадь почти без мебели, зато – и это было очень важно, потому что за осенью неумолимо приближалась зима! – с русской печью. Точнее – с грубой (часть печки, которая стояла топкой в другой комнате). Рядом с печкой был топчанчик из кирпичей – лежанка.

Через 5 дней после приезда – 5 октября – Лиду забрали в роддом, где у нее родился сыночек Володя.

При выписке состояние здоровья обоих – и мамы, и сына – было нормальное, но через несколько дней у молодой мамы поднялась температура – под 40.

В это же время началась первая бомбежка Армавира. Лидочка, в ознобе, дрожала на лежанке, рядом с печкой, и никак не могла согреться. Хуже всего было то, что она была

в тот момент совсем одна: Виктор ушел в институт, а мама отправилась на базар, за продуктами*****.

Вскоре стало известно, что немцы заняли Ростов...

—

*— семьи ИТР и квалифицированных рабочих с завода, после уже состоявшейся отправки – поездом – оборудования и сотрудников в Нижний Тагил.

** Думаю, что тогда хватало слов «пожалуйста, посмотрите за нашими вещами!» .

***Одним из аргументов жениха, по словам бабушки, было «Да чтоб я такую красивую девушку немцам оставил?!» Конечно, отчасти это была шутка...

****Я наивно спросила «с мясом?», на что бабушка хмыкнула: «Еще чего! Может, с котлетой?»

***** Как раз на базаре ее и застала бомбежка, и, в состоянии полной паники, Лидочкина мама выбрала в качестве самого подходящего укрытия, за которым и спряталась... бочку с керосином!

11. Разбитое сердце

На фото: май 1940 года. Счастливые молодожены. Кто бы видел будущее, кто бы знал – что ждёт впереди...

20 ноября 1941 г. немцы заняли Ростов. Расстояние меж-

ду Ростовом и Армавиром не слишком велико – всего 270 км по прямой. И эвакуированному мед институту дали приказ: срочно грузиться в эшелон и ехать на Махачкалу (а потом – дальше, в Ереван).

Приказ есть приказ: все спешно собрали вещи и явились на перрон, к эшелону, в котором им на этот раз выделили дачный вагон*. После посадки люди – преподаватели, студенты – сидели так плотно, что Лида не могла покормить голодного сына – он все плакал и плакал....

Постепенно сгустились сумерки. Все ждали команду на отправление, но её так и не дали. Просидев в страшной тесноте так и не тронувшегося с места вагона несколько часов, люди выбрались на перрон – в тоскливую, ноябрьскую ночь Армавира – и пошли по уже совершенно опустевшим и темным (в режиме светомаскировки) улицам обратно, к единственным, ставшим знакомыми, домам. Холод, казалось, проникал под одежду без малейшего препятствия. Руки Лиды в тоненьких нитяных перчатках совсем заledenели.

Комната, которую снимали всей семьёй, была уже занята другими беженцами. Но добросердечная хозяйка, тетя Катя,

уложила их – Лидочку с малышом, ее мужа, маму и золовку Клаву – спать остаток ночи в своей кухне.

Наутро они нашли съемную комнату в другой квартире, а прошедшая ночь еще очень долго вспоминалась как кошмарный сон.

В новой комнате хотя бы мебели было побольше: большая деревянная кровать, а рядом – маленькая детская койка.

Еще неделя прошла в тягостной неизвестности, занятий почти не было.

28 ноября 1941 года наши войска отбили Ростов, и дальше, до конца курса, студенты уже доучивались нормально. Если, конечно, обучение в таких условиях можно считать нормой...

Питались так: по карточкам один раз в день давали обед (сваренные капустные листья, в качестве борща, и каша), по 400 г хлеба или «птичек» – булочек-рогаликов.

Мама продавала простыни, скатерти и «носильные» вещи, захваченные с собой из дома как раз с этой целью, и покупала продукты: подсолнечное масло, лук... Лук макали в масло и так ели.

Еще покупали\выменивали на рынке макуху (пресованный отжим от подсолнечных семечек – брикет размером с ноутбук, толщиной сантиметра 2). В нормальной жизни его используют в качестве корма скоту, но в те годы он спасал от голода людей.

Базары были большие, купить можно было абсолютно все, но... денег не было.

Чувство голода было постоянным спутником...

...На практику студенты ходили в местный госпиталь.

И тут появилась она – девочка-студенточка по имени Валерия. Блондинка пышных форм, глаза «с дымкой» – как у киноактрисы. Была она местная, жила с родителями, и потому – весьма прилично одета и ухожена (особенно по сравнению с полуголодной, исхудавшей молодой мамой, нянчившейся с грудным сынишкой). Валерия училась в Ростовском

медицинском институте, и на практику ее записали в ту же группу, что и Лиду с мужем.

Целенаправленно ли эта девица «строила глазки» Виктору, или же он сам не смог устоять против ее свободного женского обаяния – кто сейчас знает.

Тем не менее, его отношение к Лидочке сильно изменилось. И поведение – тоже.

(Не вдаваясь в безрадостные подробности, приведу один обмен репликами молодых супругов, в ночном разговоре: "Виктор, что же ты молчишь?!!!" – "Я о НЕЙ думаю!")

Да, наверное – тогда, в сороковом году, они поженились просто «по дружбе», не по любви.

Да, наверное – именно в Армавире он действительно влюбился, так как следовал за Валерией, словно тень.

Лида потом всем говорила, что ей просто обидно – и больше ничего, что особенно она, в общем-то, и не расстра-

ивается...

Возможно, это была Судьба, Рок, Неотвратимость...? Последствия немыслимо сложного, спроектированного шахматного хода кого-то из тех, кто может влиять на жизни нас и наших потомков? Ведь цепочка событий, вызванная этим "брошенным в воду камнем", растянулась на очень, очень многие годы и судьбы.

А возможно – это просто безответственность молодого отца и мужа.

Но – не мне о том судить.

С этих пор доверие ко всем представителям мужского пола Лидочка утратила.

В 20 лет – действительно, навсегда.

Впрочем... а какие они были – двадцатилетние сороковых годов? Я знаю одно: они были много, много старше сегодняшних двадцатилетних.

...Валерия потом вышла замуж за однокурсника, а Виктор и Лида в июле 42 года, несмотря на фактически распавшийся брак, уехали, вместе.

—

*наверно, что-то вроде вагона в электричке – не смогла найти точное определение.

12. Одна бомбёжка

- Ⓐ Симферополь, Россия, Республика Крым
- Ⓑ Керчь, Россия, Республика Крым
- Ⓒ Россия, Краснодарский край, Приморский край
- Ⓓ Армавир, Россия, Краснодарский край

На изображении: так далеко от дома. Но еще дальше – от мирной жизни...

Было начало мая 1942 года.

В Армавире погода баловала теплом, но занятия в институте никто не отменял, так что Лида и Виктор, оставив сына дома, усиленно постигали последние премудрости, которые могли им дать в области медицины именитые профессора, да и просто преподаватели.

Маленькому Володе шел 7-й месяц от роду, и его бабушка решила, что как раз сейчас ей надо сходить на рынок, а малыша вполне можно доверить жене Лидочкиного брата, Клаве...

И тут объявили воздушную тревогу – вой сирен слышался во всем городе, в том числе и в трехэтажном здании бывшего техникума, выделенном под учебный корпус эвакуированного Крымского мединститута.

Студенты, сидевшие до этой минуты на лекциях, побежали прятаться в щель* – все, кроме 21-летней Лиды и ее подруги Нины Барулиной.

Эти две легкомысленные девушки выбежали на террасу первого этажа, присели за перилами и, задрав головы, стали смотреть вверх, в небо.

В вышине показались самолеты. «Лид, это наши летят!» – закричала радостно Нина.

Но она ошиблась. От самолетов стали отрываться бомбы.

Девчонки, как учили на занятиях по обороне, скрючились за хлипким укрытием, зажав голову между коленок...

Оглушающий взрыв, совсем рядом. Посыпались не крупные куски кирпичей, мелкие камушки, пыль... Когда, спустя долгие минуты (или это были бесконечные секунды?) подруги поднялись на ноги – самолетов уже не было видно, а они, обе, с ног до головы были покрыты красной пылью (в городе находился свой кирпичный завод, поэтому абсолютное большинство построек в городе было из красного кирпича). За изгородью техникума медленно оседало красное облако – бомба попала в дом рядом.

Увидев это, девчонки мигом выскочили с террасы, и бросились что было духу бежать через двор – до спасительной щели. Оказалось, что не они одни легкомысленно пренебрегли безопасным укрытием: совсем рядом откуда-то выскочила и побежала с ними еще одна студентка.

Внезапно слышались звуки пулеметной очереди – их ни с чем нельзя было спутать. Один из немцев, сбросивших бомбы, развернул свой самолёт, и, на бреющем полете, принялся строчить из пулемета по "наземным объектам", в том числе и по бегущим подружкам...

(Я всё думаю – какой был в этом действии глубинный, стратегический замысел немецкого пилота, немецкого солдата? Человека, наблюдавшего через прицел ростки мирной жизни внизу, и все равно жавшего на гашетку пулемета? Наверно, примерно такой же, как и, через 72 года, у его наземного «коллеги»– снайпера, «срезавшего» такую же легкомысленную девчонку, вышедшую на балкон своего дома на окраине Украинского Славянска, чтоб поглазеть на настоящую войну, которую до этого видела только по телику, в художественных фильмах ...)

... Уже перед самым укрытием одна из пуль настигла девочку, бежавшую рядом с Лидой и Ниной. Ранение было в ногу, но, в состоянии шока, она успела сделать последнее движение, и все втроем буквально ввалились, упали в щель, на заботливо подставленные руки....

«Дуры набитые! Куда же вы бежали!» – наперебой зашумели на них те, кто спрятался от бомбежки более разумно, наблюдали за этим «бегом за жизнью» из надежного укрытия, и очень, очень переживали за бестолковых девчонок.

Вскоре пулеметные очереди стихли, и еще через небольшой промежуток времени, дали отбой воздушной тревоги.

Занятия не возобновили, и на этот день всех студентов отпустили домой.

Картину, которую Лида увидела в городе, нам представить трудно. Точнее – представить-то как раз можно, но почувствовать... Одно дело – когда это показывают по телевизору, в кино. Это страшно, отвратительно, это ужасно, и сопереживаешь пострадавшим всей душой, но... это на экране, это где-то в неясном "там", это чужое, а точнее – не своё. И совсем другое дело – когда идешь по тем местам – улицам, переулочкам, тротуарам у домов – которые до этого были знакомые, привычные, как домашние тапочки, всегда одни и те же, это была незыблемая часть твоего личного мира, почти как небо и солнце, – и вот что теперь видишь... видишь и знаешь что это – уже навсегда, над твоим миром надругались, и он никогда не будет прежним...

Разрушенные дома. Телега с парой лошадей, прошитых очередью. Телеги с трупами, разорванными на куски... везде – трупы и разрушения...

Так, через весь город, Лида шла домой, в состоянии шока, не в силах даже побежать.

Наконец, она дошла. Оказалось, что в их доме все стекла выбиты, а Клава, прижимая к себе маленького Володю, забилась под кровать. Как она позже рассказала – с начала бомбежки, и пока никто не пришел, ее отчаянно терзала мысль: «Что я теперь буду с ребенком делать, как его кормить, если Лиду с Виктором убили?»....

Это была бомбёжка, которая врезалась в память. Всего одна, вот такая – но её хватило с лихвой...

* щель – укрытие во время бомбёжек: зигзагообразная канава-окоп, прикрытая палками, досками, присыпанная сверху землей.

13. Настоящий коммунист. Война

На фото не стоит дата, однако есть крупная надпись "Лучшие люди завода". Вероятно, фотография предназначалась для доски почёта.

""Папина до!" Он называл меня "Папина до!"" – говорит бабушка, и лицо ее освещается грустной, нежной улыбкой, навеянной столь милыми сердцу воспоминаниями.

Отец и дочь были очень дружны. Папа ездил навещать Лиду во время ее первой (и последней) школьной «путёвки» в Темрюк, в пионерский лагерь. Папа ходил с дочкой-старшеклассницей в кино – если после работы приносил билеты жене, но та отказывалась под предлогом срочных домашних дел. Как-то раз возмущенные соседки доложили: "Ирина Николаевна! Вы должны это знать! Вашего Николая Петровича видели в кино с какой-то молодой девИцей!!! Что же это делается-то!!!". Над этим "разоблачающим сообщением" смеялись всей семьей...

Я серьезно думаю, что бабушка крепко на меня обидится, если среди череды этих историй не будет отдельной части, посвященной её любимому папе, а моему прадедушке*.

Бабуля всегда вспоминала о нём с непередаваемой нежностью в голосе. И, хотя дважды была замужем, фамилию так и не сменила, поскольку не могла отказаться от этой частички самого близкого ей человека. Да и сама я не могу не рассказать о нём, о моём прадедушке, которого мне с детства приводили в пример как Настоящего Коммуниста.

И не то, чтобы он совершил какой-то Великий Подвиг, или жизнь свою всю положил на Алтарь Служения Великим Идеалам... нет. Он просто жил – жил так, как велела ему его совесть. И не мог не быть коммунистом, поскольку был им по своим личным убеждениям, по своей душе. Впрочем... да разве мало было таких людей в то тяжелое время? Рискну предположить, что такая жизнь, такие принципы были правилом, а не исключением.

Мой прадедушка, Николай Петрович Никонов, родился в октябре 1896 года.

Как вспоминает бабуля, он был очень добрый. Не пил, не курил, вообще не имел никаких пагубных страстей. По праздникам, на всеобщем застолье, рядом с ним домашние специально ставили бутылку взвара (некая аналогия компота – сваренные сливы, груши, яблоки), и всем говорили, что у него больной желудок, поэтому алкоголь он не принимает.

Хотя это не было истинной причиной. А правда заключалась в том, что отец Николая Петровича работал кузнецом в шахте**, сильно пил, и, как это бывает, у сына из-за постоянного наблюдения пьяных сцен в доме, выработалось настоящее отвращение к алкоголю***.

Николай Петрович закончил всего два класса приходской школы, потом пошел работать кочегаром на паровозе. Видимо, его способности к обучению были на высоте, так как через совсем короткое время его назначили помощником машиниста, а по мере обретения соответствующего опыта и знаний – машинистом паровоза.

Несмотря на то, что он жил и работал в рабочей среде, Николай Петрович был очень тактичным: никогда не ходил дома в одном исподнем, и за долгую свою жизнь ни разу не сказал на свою жену ни одного плохого слова (даже столь распространенного в обращении к женщинам как «дура»). И, как гласит семейная легенда, для того, чтобы завоевать сердце своей будущей супруги (моей прабабушки), писал ей совершенно головокружительные письма. История писем не сохранила, зато безжалостно расставила все точки над і, выявив, в конце концов, что на самом деле, по просьбе Николая Петровича, эти письма писал его старший брат, Петр Петрович, служивший бухгалтером и имеющий более «интелли-

гентское» образование.

Когда началась война, Николай Петрович с товарищами по работе, согласно приказа, приступили к подготовке заводского оборудования на эвакуацию, по железной дороге – чтобы немцам ничего не досталось, если город придется сдать. Был сформирован также и ж\д состав для семей ИТР и квалифицированных рабочих. Но с командой на отправку протянули, немцы продолжали наступать, и уже было прервано жд сообщение между Москвой и Крымом, поэтому людей было решено отправлять водными путями (см. часть 10). В этот тяжелый момент Николая Петровича назначили начальником эшелона с оборудованием. В банке ему выдали мешок денег – настоящий, увесистый мешок, на расходы всего эшелона до самого Нижнего Тагила. Он взял это «сокровище», не пересчитывая, поскольку каждая лишняя минута задержки могла дорого обойтись...

...Он довез до пункта назначения весь состав – все оборудование, и всех людей, что его сопровождали – в целости и сохранности. Но семья на долгое время потеряла с ним связь, потому что его сын, Шурик, остался защищать город, а Лида с мамой поехали в эвакуацию с мед институ-

том, и это их «путешествие» складывалось совсем не так, как было изначально запланировано ...

По прибытию в Нижний Тагил, Николай Петрович сдал все оставшиеся деньги – все, до копейки, с записями расходов, согласно ведомости. И сумма остатка оказалась абсолютно соответствующей всем бумагам.

Когда привезенное оборудование было установлено и заработало на полную мощность, Николай Петрович попросил отпуск без содержания, чтоб разыскать свою семью. Его жена и дочь на тот момент находились в Туркмении, в город Мары.

И он нашел их, и встреча была непередаваемо трогательной, но... когда жена увидела, что он приехал в том же драном пальтишке, которое она и до войны-то постоянно перелицовывала, то не смогла сдержаться, и сквозь слёзы выплеснула: «Какой же ты дурак! Вёз мешок денег, и не мог себе кожанку купить, как все начальники!». Возмущенному недоумению Николая Петровича не было предела: «Ирочка, как я мог!!! Везу государственные деньги, идет война, а я буду себе пальто покупать?!» Единственное, что он привез из Нижнего Тагила семье – это свою зарплату за несколько месяцев. На нее в Мары купили 100 кг пшеницы, которую

потом мололи и варили «затируху» (вид супа) долгое время.

Николай Петрович рассказал, что, несмотря на большую удаленность от линии фронта, в Нижнем Тагиле все постоянно ходили полуголодные (видимо, большую часть своих продовольственных ресурсов область отдавала на снабжение передовой). У него был с собой костюм, выданный в качестве премии, как ударнику социалистического труда, еще перед войной. Этот костюм пришлось отвезти в ближайшую деревню, чтоб сменить на картошку. Ехал Николай Петрович на санях, по тайге... По дороге на него напали волки, и едва не съели****...

—

* К тому же, именно прадедушка принимал меня из рук медсестричек в роддоме, и покинул этот мир ровно через полгода и три дня после моего рождения. Мой собственный папа был тогда в морском рейсе, нёс военную службу.

** В ответ на мой недоуменный взгляд, бабуля пояснила: «Тогда лошади вагонетки с углем возили, а лошадям кузнец нужен!»

*** Бабуле всегда казалось, что её папа не был сыном

кузнеца – очень уж изящные, тонкие линии рук у него были. Подозрение еще усиливалось рассказами старших, что до революции родителей Николая Петровича очень привлекал местный богач, хозяин фабрики. Часто приезжал за ними на пролетке, и всегда бросал конфеты детям. Но все это всего лишь домыслы, а правду уже вряд ли возможно узнать.

*** Прервав свой рассказ, в этом месте бабуля неожиданно улыбнулась, покачала головой и с выражением произнесла: «Интересная была жизнь какая!».

14. Настоящий коммунист. Мирное время

На фото: прадедушка вместе с женой, моей прабабушкой.
Керчь 1930 год. Действительно – мирное время...

Когда война окончилась – Николай Петрович, в качестве
представителя от завода, поехал в Москву – отчитываться

лично перед А.И. Микояном. В то время Микоян был членом Совета по эвакуации и Государственного комитета по восстановлению хозяйства освобожденных районов. С собой Николай Петрович (в качестве гостинца Анастасу Ивановичу) взял чемодан урюка (сушеный абрикос). Ценный гостинец положил на самую верхнюю, третью (багажную) полку в плацкарте, сам лег на вторую и ... неожиданно заснул. Увы, чемодан за это время безвозвратно исчез. Когда же любимая супруга принялась отчитывать мужа за потерю, он, не принимая столь популярную среди мужей всех времен и народов тактику «Лучшая защита – нападение», только искренне переживал: «Ирочка, но я его же караулил!».

Деликатный с родными, он был довольно жестким, строгим и требовательным на работе, непримиримым борцом за справедливость, предельно честным. И никогда не пользовался своим служебным (партийным) положением. Как бы ни высокопарно звучали эти слова, но всё это – правда.

Однажды (дело было еще в мирное, довоенное время) супруга, взяв с собой школьников Лиду и Шурика, приехала к Николаю Петровичу на работу (его трудовая деятельность тогда проходила на заводе в Камыш-Буруне). Сначала мама и дети сходили искупаться на море (Черное) и немнож-

ко позагорали на прибрежных валунах. Потом отправились в столовую, где для ИТР был отдельный зал. Представились, что они семья Николая Петровича, и, получив его обед, разделили на троих и съели. Когда же их папа позже появился в столовой, и выяснил, что его обед уже «ушёл» – второй брат не стал (не положено!), предпочёл остаться честным и голодным.

После войны Николая Петровича перевели в Узбекистан, в городок Беговат, на Хилковский металлургический завод, куда с ним поехала и его жена (Лида на тот момент уже не нуждалась в поддержке: она работала по специальности, и собиралась замуж, второй раз).

Как-то раз, когда отец семейства пришел с работы на обед, жена поставила на стол свежеприготовленный, ароматный плов из молодого барашка, изумительно вкусный. «Ирочка, где ты достала такое чудное мясо?» – поинтересовался Николай Петрович. Услышав, что это «какой-то молодой парень принес утром» – отодвинул резко тарелку и устроил жене «разнос»: «Как ты могла это принять? Я же начальник! Это взятка – значит, ему надо что-то противозаконное сделать...!», и долго потом не мог успокоиться. Взятки и «подношения благодарных подчиненных» были для него абсолютно «вне закона».

Вскоре Николая Петровича в очередной раз вызвали в Москву, к Микояну. Там ему были выданы документы, согласно которым он становился уполномоченным по возвращению ж/д транспорта – паровозов и вагонов. С этими документами надо было ездить по всей освобожденной территории, с самой обширной географией – из Поволжья, из Поворино – и возвращать ж/д транспорт... По окончании этой работы ему было предложено, на выбор: возвратиться с семьей в Крым (Керчь) или на Украину, в Донбасс... Но в Керчи было почти все разрушено – интенсивность артобстрелов, особенно в 1942 году, там была очень высокой.

Поэтому Никоновы выбрали Украину – маленький, очень спокойный, мирный городок в Донбассе, Славянск...

15. Эвакуация. На Владикавказ

На фото: Май 1942 года. 6 группа 4 курса Крым мед института. Г.Армавир. Лидочка и Виктор отмечены крестиками.

Июль 1942 г.

Несмотря на близкие военные действия, студенты эвакуированного в Армавир крымского медицинского института довольно успешно сдали экзамены – правда, сессия закончилась только к концу июля. Те, кто сдавал не обычную сессию, а уже итоговые, государственные экзамены – вместо обычных дипломов получили удостоверения о 4-х годичном (сокращенном от 5-летнего) обучении.

После получения удостоверений, ближе к вечеру, студенты сидели на ступеньках учебного корпуса и говорили о своём ближайшем будущем. Скороспелые выпускники – ребята и девочки – должны были утром явиться в военкомат (им всем давали военные звания), для отправки на фронт. Было официально объявлено, что завтра же будет воинский эшелон, и все поедут в город Орджоникидзе, так как всё военное руководство уже эвакуировано туда, во Владикавказ*. Проездной билет выдадут один на всех. А преподавателей, студенток-выпускниц с детьми (их было немало), и остальных, пока недоучившихся студентов – направят дальше, в

эвакуацию, для чего дадут другой эшелон, с направлением на Кызыл-Орду (через Каспийское море и Ашхабад). Стране нужны медики и в тылу...

Вдруг Лидочка заметила, что по дороге идут два молоденьких солдата – измождённые, покрытые дорожной пылью. Один из них был с костылем, хромотал.

Второй внезапно вскрикнул: «Лида, это ты?!» – и подошел.

Оказалось, что это мальчик из Лидочкиной школы, только на год моложе.

Солдатиков обступили, стали расспрашивать. То, что узнали – было страшным...

«Мы драпаем от самого Ростова – догоняем свою часть. А немцы уже Ростов взяли, только еще об этом в сводках информбюро не было...»

Лида и остальные ребята стали наперебой рассказывать, что их вот-вот отправят дальше, так что самостоятельно предпринимать ничего, может, и не стоит... Но в ответ было категоричное: «Лидочка, если немцы сейчас нала-

дят переправу через реку Кубань – то завтра будут здесь, и никакого эшелона здесь не будет... Немцы идут маршем на Армавир!»

("... идут маршем на Армавир!". Как почувствовать тот бессильный ужас безоружных людей перед стихийно-беспощадной, глухой к мольбам волной мрака – восстающей перед ними чтобы обрушиться и поглотить весь свет жизни, саму жизнь? Уже после публикации этой части, перечитывая её ещё раз... из памяти всплыло письмо моей сестры из Славянска от 24 апреля 2014 года. Тогда войска Киева шли маршем – усмирять непокорный городок, и на официальных новостных сайтах – российских сайтах – ещё не было и следа информации об этом. А мою душу уже выжигали отчаянные строки из письма сестры: "Они идут!!!! Они идут!!!! Господи, помилуй и спаси нас всех!!!!!"... Когда такое пишут близкие – поверьте, война выглядит совсем по-другому, чем с экрана телевизора и книжных страниц. Не дай Бог никому получать такие письма. Но более – не дай Бог их писать...)

Наскоро попрощавшись с солдатами, Лида побежала домой, и спешно пересказала всё своим. Стали думать – что же делать. Мама высказалась решительно: «Лида, нечего сидеть ждать эшелона (для преподавателей). Сейчас соберу

рюкзачок с Вовкиными вещичками, чемоданы и – вместе с ребятами, на воинском эшелоне во Владикавказ, поедem ...».

Рассвет только-только заявлял о себе Армавиру . Утренний туман заливал улицы мутным киселем. На вокзал Лида с семьей шли по переходу над железнодорожными путями, и с высоты было видно, что привокзальная площадь вся забита людьми. Видимо, черная весть уже облетела город...

Присоединились к этой толпе. Ребята побежали всё раз- узнать, и вернулись с неплохими известиями: сейчас подадут воинский эшелон, и всем помогут сесть. И тут завыл сигнал воздушной тревоги (его подавали все местные заводы). Лю- ди задрали головы: над городом летели немецкие самолеты. Все кинулись врассыпную...

Но мама сказала: «Лидочка, если я вернусь, и мне не на что купить будет кусок хлеба, то зачем мне жить? По- бираться? У кого побираться, когда в стране такое горе?». И даже не поднялась с чемодана, на котором сидела, так и осталась сторожить вещи. Но все остальные, и даже Виктор (он был с ними, хотя их брак с Лидой, фактически, уже рас- пался) побежали прятаться.

Наконец, по радио объявили «отбой», все вернулись из укрытия, и ребята закричали «Посадка на воинский эшелон!». Все студенты, ехавшие во Владикавказ по общему билету, понеслись к назначенному им вагону. Было страшно остаться, отстать от своих, и потому стремились влезть всеми возможным способами: через буфер, через дверь, через окно... Лидочку – дитя на руках, рюкзак за плечами – друзья-студенты втащили в окно. Иным образом, вместе с ребенком – таким маленьким, хрупким и беззащитным, она бы вряд ли попала внутрь вагона, сквозь безумную давку.

Вагон был купейный. Мама Лиды и Клава(в руках – чемоданы и узлы с постелью) сумели протиснуться в коридор, где стояли вместе с другими «счастливыми».

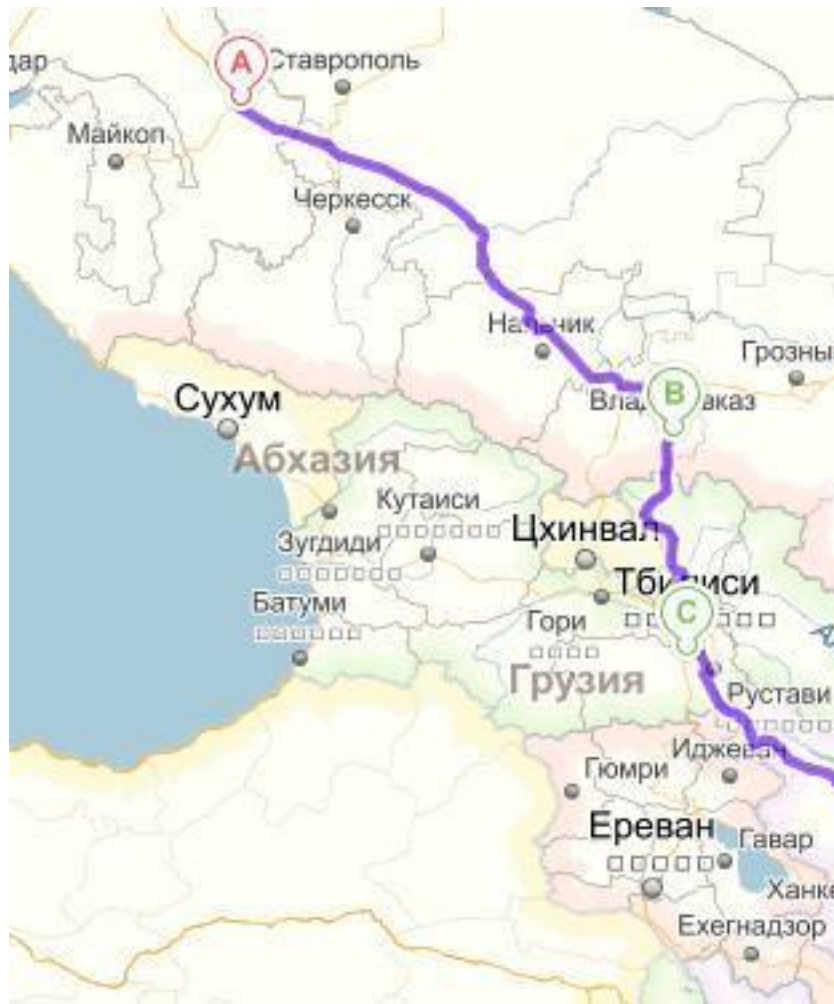
Вдруг в вагон зашли шахтеры. Один из них был в кожанке, в руке сжимал наган. Он сразу стал орать: «Мать вашу так, ну-ка освободить купе! Это нам эшелон дали!». Но тут вмешалась Лидочкина мама. Она сообщила разозлённому мужчине, что сама с Кадиевки (шахтерский городок), с Донбасса... Это подействовало: их, втроем с Лидой и маленьким Володей, оставили – и в купе, и вообще в покое.

В конце концов, набитый людьми поезд тронулся – вперед, на Владикавказ ... Чем передать состояние их? Что оставляли они за собой? Что с ними будет дальше? Студентам было легче: нервы в молодости крепче, а жизненный опыт так мал, что милосердно молчит в экстремальных ситуациях...

–

* Владикавказ – столица Северной Осетии. В 1931—1944 и 1954—1990 гг. назывался Орджоникидзе, а в 1944—1954 гг. – Дзауджикау.

16. Передышка

До Владикавказа добрались благополучно.

Оказалось, что их ректор приехал этим же поездом. Громким криком: «Все из Симферопольского мединститута – за мной!» он собрал своих студентов, и привел в здание Владикавказского мединститута – пустое, по причине летних каникул.

Приезжие расположились в актовом зале, отгородившись скамьями по группам, семьям. Ценными учебниками (вроде книги «Хирургия» Образцова) разожгли костры во дворе, и варили кашу. Так провели день.

К вечеру студенты (и уже бывшие, то есть выпускники, и пока что настоящие) «почистили перышки» – приоделись, насколько это вообще было возможно, и отправились... «смотреть город»! Но не успели дойти до забора, ограждающего здание от улицы, как навстречу им, в ворота, ввалилась толпа оборванных, запыленных, совершенно измученных людей. Эта толпа состояла целиком из профессорско-преподавательского состава и членов их семей, которых должны были отправить другим эшелоном, в Кызыл-Орду. Самое странное зрелище являла собой одна из профес-

сорских жен: не в силах расстаться со своей шубой (кстати, единственной в этой компании), женщина надела ее на себя и так и шла – по пыльной августовской жаре, под палящим солнцем...

Выяснилось, что после того, как отбыл состав со студентами – больше эшелонов из Армавира действительно не было, уходили только эшелоны с ранеными. Вскоре началась жестокая бомбежка. Весь город горел. А, поскольку в числе других зданий были разрушены и магазины – в довершение катастрофы, как вороны на падаль, слетелись мародеры.

Профессорам и их женам сказали: никакого транспорта нет, вы можете идти только пешком. И они пошли – пошли пешком к Владикавказу, и шли 40 км – в основном, пожилые люди, большинство из которых вряд ли ходили последние годы дальше магазина и своих институтских лабораторий. Наконец, дошли до железнодорожной станции с чудным названием Овечка, а там их посадили на поезд.

Напротив, у молодых ребят и девчонок, уже вполне пришедших в себя после переезда, и даже слегка отдохнувших, вполне были силы на получение столь необходимых сейчас

положительных впечатлений. И то, что они успели увидеть во Владикавказе – им вполне понравилось. Я думаю – еще и тем, что душа отдыхала, любуясь целостностью построек, отсутствием разрушений – война пока не дотянулась сюда своими костлявыми, жадными пальцами...

Потом бывших студентов отправили, как и предполагалось, на фронт, а остальным – преподавателям, студентам и выпускницам с детьми – дали эшелон, все с тем же направлением – на Кызыл-Орду*.

В этот раз загрузились куда более спокойно. Была даже организована кормёжка в пути: ведрами давали кашу, с хлебом.

По какой-то причине состав планировали вести через Ереван.

На Ереван поезд должен был пойти от Тбилиси, что и было первым пунктом назначения. Но на небольшом расстоянии от города состав остановили на товарной станции, на ночь. Народ быстро сориентировался, и все, кто мог, двинулись за продуктами. И тут – о чудо! – оказалось, что здесь продают мандарины! Дома это был сверхделикатес** !

А тут эти дивные фрукты стоили сущие копейки! Эвакуированные смели все мандарины – подчистую, и накинулись на них, как голодные волки.... Ну, или просто как голодные люди.

И от обилия чуждой пищи желудки, и без того испорченные плохим питанием весь последний год, не выдержали...

Наступила ночь. По правилам военного времени, везде была светомаскировка, и потому темень стояла – хоть глаз выколи. Дойти от состава – до вокзала, где туалеты, было просто нереально...

... Утром ответственные лица от эшелона пошли просить дать питание и направление на Ереван. Но когда местные железнодорожные работники подошли к составу – они увидели просто невероятную картину.

Вдоль всей длины стоящего эшелона, как декоративные ёлочки вдоль стены – аккуратненько, почти как под линейку, располагались очень пахучие кучки (далеко отходить боялись и «в туалет» выходили, обычно, группами...).

Грузины всплеснули руками, выдали ведра каши, а насчет направления высказались категорично: «Да вы нашу Грузию всю по дороге за...р...те!»***. И весь состав отправили сразу в Баку, для переправки через Каспий....

* Мне стало интересно, а сколько же человек было в профессорско-преподавательском составе, если им целый эшелон выделяли? И вот что я нашла в интернете: "К 1940 году студенческий контингент вуза составлял уже около 1,5 тысяч человек; на 32 кафедрах работали 23 профессора, 16 доцентов, более 100 ассистентов и преподавателей." Вероятно, не все эвакуировались, но наверняка – бОльшая часть! Да еще и студентки с детьми... Но, наверно, все-таки выделяли не эшелон, а вагон в эшелоне...

** Как образно выразилась бабушка – "Их покупали только умирающим!"

**Из песни слов не выкинешь! Бабушка, практически, никогда не употреблявшая ненормативную лексику, высказалась именно так – значит, так оно и было!

17. Баку-Красноводск. Обыкновенное чудо

Август 1942 года.

На Каспии, в Баку, много причалов. Железнодорожные пути, по которым прибыл эшелон с эвакуированным мед институтом, подходили к пристани почти вплотную. Неподалеку, на песчаном берегу, был разбит палаточный лагерь беженцев – для тех, кто хотел перебраться через море. Стояла тёплая августовская погода, но лагерь никак не походил на место отдыха: пронзительно кричали младенцы, было много больных – там прочно прописалась дизентерия...

Профессора и преподаватели с семьями, а также незакончившие еще образование ребята-медики и скоровыпустившиеся мамы-студентки ожидали посадки на пароход с относительным комфортом: им на эти несколько дней предоставили для проживания товарные вагоны. В каждом вагоне, по обе стороны, стояли двухэтажные нары, а сверху распространяли немного света и воздуха маленькие (примерно 30x40 сантиметров) окошки. Расстояние от нар до окна было небольшим: сантиметров 20.

Лида с мамой, маленьким Володей и золовкой Клавой занимали верхние нары в вагоне № 15. Сидеть целыми днями

в духоте было тяжело, и, время от времени, Лидочка с подружками ходили погулять, а ее мама в это время нянчилась с внучком.

Во время одной такой прогулки, Лида подошла к открытому окошку, откуда рассматривал окружающий мир ее 10-месячный сыночек, и о чем-то стала переговариваться с мамой, присматривающей за Володей.

В это время малыш захотел в туалет. Карпуза посадили на горшочек, водруженный прямо на полку, а по окончании «славных дел» мама попросила Лиду вылить содержимое, и на какие-то считанные секунды оставила внука одного, чтобы передать горшок в вагонную дверь. Как раз в этот момент дитёнок потянулся за своей мамой, сделавшей несколько шагов в сторону от него, и ... выпал из окошка, приземлившись животиком прямо поперек рельса...

Ужас, мгновенно накрывший женщин, невозможно описать! Но – «не было бы счастья, да несчастье помогло» – лучшие специалисты мединститута были все здесь, рядом, поэтому маленького Володю сразу же, бегом отнесли на обследование! Но и авторитетные медики, осмотрев малыша и пощупав его животик, однозначно ничего сказать не смогли. Однако, проплакав навзрыд в течение двух часов после своего "полёта", Володя потихоньку успокоился и заснул:

к невыразимой радости всех, кошмарное происшествие не имело последствий ...

Здесь же, на пристани, Лида наблюдала, как происходит посадка беженцев для переправки через Каспий.

Стоит пароходик, со сходнями (даже без перил). Люди, спеша и толкаясь, стремятся попасть на палубу. С чемоданами падают в воду... По всему видно, что каждый думает только о себе, о своем спасении.

И если, в самом начале их эвакуационного маршрута, посадка людей в Керчи проходила куда более пристойно, то сейчас, по прошествии года войны, всеми владел панический ужас перед надвигающейся угрозой, страх попасть во власть нелюдей-фашистов ...

...Через несколько дней мед институт погрузили на небольшой пароход – и отправили до Красноводска. Там должны были подать состав на Кызыл-Орду, в Казахстан: два классных вагона – для размещения администрации и преподавателей, а для остальных – все те же, товарные вагоны, с нарами.

Путешествие через Каспий прошло без приключений, без происшествий.

И ни одна из трёх женщин-Никоновых не думала-не ведала, что, будто в компенсацию за пережитое, Судьба уже приготовила им свой Подарок, в Красноводске, один – для всех ...

...Когда Лида с мамой и Клавой отправились в эвакуацию – Лидочкин брат, Шурик, оставался защищать Керчь. В регулярные войска его не взяли* и он записался в ополчение, в пехоту. Был на передовой, ходил в атаку. Ощущение ужаса, когда выходили «лоб в лоб» на противника, навсегда врезалось в его память. Но разве не в том состоит истинная храбрость, чтобы действовать наперекор собственному страху – тому, что нагоняет вопящий во все горло животный инстинкт самосохранения?***

После того, как Керчь была захвачена немцами (ноябрь 1941 г.) – оставшиеся в живых ополченцы на плотках перебрались через Керченский пролив – в Тамань, на Кавказский берег.

Их направили в Красноводск***. Там выяснилось, что в железнодорожном депо нужен машинист, а Шурик отлично знал это дело, это была его рабочая специальность. Его взяли на работу, и вот уже больше полугода Александр Никонов жил в Красноводске, ничего не зная о своей эвакуированной семье. Семья, в свою очередь, тоже никаких известий о своём парне не получала почти год – за исключением того, что Керчь взяли немцы, и уцелели совсем немногие защитники.

Об этом не говорили, но надежды когда-либо увидеться с ним уже почти не осталось – ни у его мамы, ни у сестры, ни даже у Клавы, с которой они поженились в начале войны, почти перед самой эвакуацией...

Тем памятным августовским вечером Шурик сменился с очередной поездки, и шел из Красноводского депо, через вокзал, по перрону, "домой". Для него было совершенно неожиданным обнаружить, что на платформе полно гуляющих стайками девчонок, вроде бы не местных. Как и любой молодой парень на его месте (а было Шурику тогда 24 года), он поинтересовался: откуда же столько красавиц? И, услышав слегка горделивое – «Мы из Крымского мединститута, ждем отправки в Кызыл-Орду!» – едва справился с волнением, для следующего вопроса: знают ли они Лиду Никонову? Наверно, сердце остановилось в ожидании ответа, который,

правда, был почти мгновенным: «Конечно! Они с Клавой, в том вагоне... вооон их окошко!»

Он подошел к вагону, встал у запылённого окна, на которое указали ему студентки, и просто позвал: «Жена, пошли домой!». И так велико потрясение было от этих обычных слов, сказанных негромким голосом, что не было радостных криков, не было суматохи и суеты вокруг ... Шок бывает и от счастья, в которое уже не веришь.

Клава взяла свой чемоданчик и пошла с мужем.

—

* Не могу точно сказать – почему. С одной стороны, он еще до войны, работая на рыболовецком судне, получил серьезный артрит коленного сустава (и, на моей памяти, всё время хронал). Так что вообще мог быть негоден к военной службе. Но, как контраргумент: в ополчение его все-таки взяли. С другой стороны – мог просто не попасть по году призыва.

** Только человек одарен способностью идти против тьмы инстинктов своих, ведомый одной только мыслью – как

свечой, горящей во мраке, сознанием своим – как звездой путеводной. Но, к сожалению, пользуются этим даром далеко не все. Может, просто потому, что гордый homo sapiens на самом деле не так уж далеко ушёл от homo животного? Но каждый для себя решает это сам... (Не сомневаюсь, что и среди животных есть исключения из этого правила. Однако, наш социум состоит не из животных. Поэтому подтвердить философию практикой в данном случае весьма затруднительно.)

*** Была ли это ротация (практика в военных действиях, когда войска на передовой заменяются свежими силами) или же его просто отправили туда по «белому билету» – восстановить нет возможности.

На фото: Шурик, брат Лиды, его жена Клава и их дочь. Прошло 6 лет и 6 месяцев – это март 1949 года. Я смотрю на эту фотографию, и на другие фотографии, послевоенного времени. И мне кажется, что люди на них не просто разучились улыбаться. В их глазах – даже у тех, чьи родные, в большинстве, остались живы – тревога, тоска, печаль. Эхо пережитого. Кажется, что это навсегда, но... Хорошо, что у меня есть их же фотографии 60-х, 70-х годов!

18. Последний отрезок

Август 1942 года

Город Красноводск произвел на приезжих ужасное впечатление! Не знаю, как сейчас (когда он носит гордое название Туркменбаши), а в то время он был очень маленький, почти без растительности. Да и какая тут растительность, ес-

ли пресная вода – привозная. Вторым источником живой влаги служил заводик по опреснению морской воды – впрочем, она была не только отвратительна на вкус, но и, как показали исследования более поздних лет, была вредна и в качестве питьевой, и в качестве поливочной. Так что и студенты, и преподаватели Симферопольского мед института, привыкшие к пышной Крымской растительности, были откровенно рады услышать команду на погрузку в эшелон для отправки дальше – покинуть это безрадостное место.

Лиде с мамой, как «родительницам» «грудничка» Володи, досталось место в классном вагоне. Недоучившиеся студенты – и девочки, и мальчики – расположились в товарных вагонах, с нарами. До отправления эшелона ещё оставалось некоторое время. И, покормив сыночка, Лидочка отпросилась у мамы «сходить к девочкам».

Но только она дошла до нужного товарного вагона – состав тронулся. Лида успела вскочить в ближайшую раскрытую дверь, а поезд все набирал и набирал скорость.

Всем тогда было известно, что переход между товарными вагонами в пути невозможен. Но молодая мама сначала не слишком волновалась, так как была уверена, что на ближайшей станции (которых всегда бывает в пути «немерян-

ное» количество) легко доберется обратно, к своему вагону, перебежав по земле... Лида даже заранее открыла дверь и «закрепилась» возле нее, в ожидании скорой остановки...

И тут-то Лидочке довелось увидеть Среднюю Азию "во всей красе"! Это была не земля – это были пески пустыни Кара-кум. Ни кустика, ни деревца, ни домика – ни одного объекта, за что может зацепиться взгляд! Дюны-барханы, барханы-дюны... Только однажды попался караван: цепочка понурых ишачков и верблюдов, с несколькими людьми.

А станции все не было и не было! И поезд мчался без всякого намека на скорое торможение...

Если посмотреть карту Туркмении (привожу в качестве иллюстрации), точнее, на железную дорогу, что пересекает Туркмению с запада на восток – увидишь Красноводск (он же Туркменбаши), Кызыл-Арват (он же Гызыларьбат, он же, Сердар), Ашхабад, Теджен, Мары, Чарджоу (он же Туркменабад*) – вот и все приличные населенные пункты вдоль всей железной дороги. И до ближайшего было еще очень и очень большое расстояние...

У Лиды стало течь молоко из груди. Отчаяние пришло вместе с осознанием: там, в классном вагоне, сейчас надрыгается от плача голодный сынишка, а она не может его покормить....

И тут случилось чудо. По совершенно необъяснимой причине, состав остановился прямо среди песков. Ребята спустили из открытой двери Лидочку на песок, на руках (было достаточно высоко!), и она «дунула» вдоль всего состава, вдоль череды товарных вагонов – к классному ... И если бы поезд тронулся в этот момент – Лида осталась бы в песках (и тогда этой истории, кстати, точно здесь не было)....

Ох, и как же ругалась мама на свою бестолковую дочь, когда та, с вытаращенными от испуга и напряжения глазами, задыхаясь, ввалилась в дверь классного вагона, и поезд тронулся...!!!!

По дороге до Ашхабада (около суток) пассажиров эшелона не кормили. По приезду в город, представители администрации института отправились в министерство здравоохранения Туркмении: просить проездные документы для следования дальше, а также выписать питание. Но получили в министерстве весьма неожиданный ответ: «У нас не хватает врачей: дайте нам 10 своих молодых специалистов, а мы

вам – питание и документы на проезд».

Поскольку почти всех врачей к тому времени отправили на фронт, а еще в эшелоне были ребята с остальных курсов, которые пока не закончили образование, то оказалось, что выбирать особо некого. Оставались выпускницы с детьми...

На выбор предложили города: Мары, Байрам-Али, Тахтабазар, Кушка (тот самый, «Южная макушка», на самой границе, теперь именуемый Серхетабад – с 1967 года)

Лида и ее сокурсница Вера Сивогривова выбрали Мары.

—

* мне с моей милосердной «пятеркой» по географии было удивительно, что, называя эти станции прямо «с ходу», бабушка пропустила только посёлок городского типа Небит-Даг Ашхабадской области... хотя, возможно, тогда на нем и не было станции. Вообще бабушка всегда указывала старые названия, и иногда мне приходилось потрудиться, чтобы «выкопать» информацию по названиям современным.

19. Посёлок Сагар-Чага, «картина маслом»

На фото: 5/10/1945, в посёлке Сагар-Чага. Лида (24 года) с сыном(4 года). Что-то такое в глазах и ребенка, и мамы...

Если сравнить с фотографиями, тоже сделанными в ателье – к 1 и 3-й части, и взглядеться в лица людей на фотографии к части "Обыкновенное чудо" (1949 год) – можно почувствовать... Война забирала не только человеческие жизни. В Средней Азии бытовало выражение «крадёт цвет из глаз». По-моему, очень точное.

Август 1942 года.

Всей "компанией" (Лида с сыном и мамой, сокурсница Лиды – Вера, со своим сыном) проследовали до пункта своего нового назначения, города Мары, в том же поезде, что и ехали в эвакуацию. С вокзала, прямо с чемоданами, явились в облздравотдел. Начальник этой организации, Клавдия Васильевна, распорядилась юными медицинскими кадрами следующим образом: поскольку сынишке Веры было уже больше 2-х лет, то ее определили в дальний поселок, а Лиду с мамой и маленьким Володей – в ближний, всего 30 км от Мары. Этот поселок носил название Сагар-Чага и гордо значился райцентром (правда, сейчас я не могу найти его даже в Википедии, где хранятся все старые названия населенных пунктов – однако, он обнаружился в нескольких художественных произведениях и... на Грамоте ру, причем, только в сохраненной копии: «Сагар-Чага, см. Сакар-Чага, Сакар-Чаги (пгт, Марыйск. обл., Туркмения)»).

С какими людьми, в каких условиях предстояло трудиться начинающему врачу Лидочке?

Местная больница состояла из амбулаторного отделения и маленького, всего на 15 коек, стационара*. Из этих 15, две койки были для родильного отделения, и ими «заведовала» молоденькая акушерка с Украины, Кирочка.

Заведующего амбулаторным отделением (то есть непосредственного начальника Лиды) звали Григорий Осипович Лившиц. Это был мужчина «под 40» – высокий, уже почти лысый, с вытянутым, улыбчивым лицом. Из Прибалтики – в Сагар-Чага (то есть в эвакуацию, а не на фронт) он попал из-за своей болезни, грыжи позвоночника.

Перед тем, как я продолжу список медицинских кадров Сагар-Чага, задумайтесь, пожалуйста: какая часть организма во все века доставляла человеку рекордное количество боли? Правильно!... И за решение... то есть лечение чуть ли не главной проблемы всех времен и народов отвечала зубной врач** – женщина, чуть постарше Лиды, с круглым лицом, тонким носом и большими карими глазами. Она приехала

сюда тоже из Прибалтики.

Полагаю, что не ошибусь, если следующей по плотности сосредоточения проблем человечества назову "болезнь грязных рук". И покуда существуют среди нас лентяи, игнорирующие элементарные навыки гигиены – должность санитарного врача*** будет весьма востребована. В Сагар-Чага держать в узде враждебно настроенных к Человечеству микробов помогала немолодая уже дама, сан врач Валентина Георгиевна, из Ленинграда.

Дети – не только цветы жизни, но и наше будущее, и с этим никто не спорит. Поэтому должность врача-педиатра даже в таком небольшом населенном пункте была строго обязательна. Ее занимала Ирина Адольфовна, женщина лет под 50. Как и зав. амбулаторным отделением, она тоже прибыла сюда из Прибалтики. Муж её работал в единственном в поселке банке, так что, вероятно, их семейных бюджет не слишком протестовал, когда она подарила Лидочкиной маме колечко – «в дружбу». По всей видимости, у нее тоже были польские корни, и так уж приятно ей было встретить здесь, среди песков, человека, с которым можно было в свое удовольствие поболтать на польском языке!

Взгляд на назначение женщины в природе у врача-педиатра был явно «старорежимный». Как-то раз, увидев, что Лида рубит ... нет, не березовые полешки, конечно, – по краям арыков тут росли сухие финики – дички, их и использовали в качестве топлива – Ирина Адольфовна пораженно вскричала: «Пани доктор! Как это можно – чтоб женщина рубила дрова!».

Вот такое, совсем несложное, медицинское хозяйство обеспечивало охрану здоровья людей в Сагар-Чага в 40-е года прошлого века. И, безусловно, "точкой" (маленькой, но очень значительной!) в этом перечне была аптека, где над всеми баночками с мазями и пакетиками с порошками безраздельно властвовала фармацевт Аня (возрастом слегка "за 30").

Территориально же весь «медицинский комплекс» был организован так: стационар, в нем 4 маленьких кабинета амбулатории, к ним же прилеплена аптека (вход отдельный, с улицы) и райздравотдел – под него была выделена целая комната, а заведующей значилась «скороспелая» медсестра-туркменочка, закончившая годичные курсы «красного креста и красного полумесяца» – бессемейная Эне(-джан***) Атаева.

Жильё приехавших медиков, под стать мед учреждению, тоже было обустроено крайне просто.

В старом хлопкосборном пункте освободили несколько маленьких комнат, с маленькими окошками. Пол в комнатах – земляной. Предметы роскоши в виде печки и прочих отопительных приборов отсутствовали как класс. Можно было бы подумать, что это не слишком важно, и что в этих краях всегда стояла жара – но нет, зимой ходили в демисезонном пальто (в январе, в среднем, от -2 до $+4^{\circ}\text{C}$)! В одной комнатке жили Лида с мамой и маленьким Володей, в комнатке рядом – санитарный врач Валентина Георгиевна, потом – Григорий Осипович, потом – женщина-зубной врач. С другой части, торцевой, жили две туркменские семьи, работающие на пункте сбора хлопка.

Через Мары (и через город, и, соответственно, через область) протекала река Мургаб, приток реки Пяндж, спускающаяся в Аральское море. От Мургаба были сделаны искусственные ответвления, для полива хлопковых полей. Такой арык (метр шириной), протекал и рядом с домом, где жили медики. Там и брали воду – для питья, мытья, стирки,

ГОТОВКИ.

Кухонный быт медиков также отличался экзотическим, местным своеобразием.

На улице ставили самодельные мангалы, из ведер – вырезали окошко, выкладывали кирпичом стенки. На них и готовили. Дров, в нашем понимании, не было; в качестве топлива собирали пересохший саксаул, козупай – высохшие стволы хлопка, кизяки (засохшие навозные лепешки) от ишаков и коров («пани доктор» тоже выполняла эту работу, и весьма успешно!). Последний «компонент» мама Лиды месила с глиной и делала из этой субстанции шарики для топки.

А в общем-то, чего жаловаться, в посёлке Сагар-Чага было всё необходимое для жизни и работы.

Для служащих – столовая, в которой один раз в день давали обед – например, борщ из верхних листьев капусты (остальную капусту отправляли на фронт). Был маленький магазинчик, милиция, райвоенкомат, районо, банк.

Но не судите по названиям, и не стройте никаких прямых ассоциаций с теми зданиями, что вы видите на улицах вашего города. Это было просто несколько административных одноэтажных домиков, а рядом располагался аул...

—

*Амбулатория – место для приема больных врачами. Стационар – место, где больные «лежат», больница.

**Зубной врач и стоматолог – это разные специальности и квалификации. Зубной врач иронически называется «кариесолог». Это специальность выпускников ПТУ, техника. Максимум его возможностей – несложное удаление зубов при очень большой необходимости. Стоматолог – выпускник высшего учебного заведения, и спектр его деятельности – вообще все, что связано с зубами, в том числе – влияние различных методов лечения на человеческий организм в целом.

*** специалист, получивший высшее медицинское образование санитарно-гигиенического профиля и имеющий главной задачей предупреждение болезней. Его обязанность – надзор за оздоровлением жилищ, свежестью продаваемых припасов, чистотой улиц, рек и т.д. Первоначально эта де-

тельность носила преимущественно административно-запретительный характер и шла в узких рамках простейшего санитарного надзора. Довольно долгое время считалось возможным при этом совмещение в одном лице санитарных и лечащих функций.

**** джан – уважительно-ласковое добавление к имени при обращении. Прямой перевод – приблизительно, «душа, душечка».

20. Молодой специалист. Начало

На фото: это точно в Туркмении, но, полагаю, уже год 1955-й и не Сагар-Чага, а город Мары, областной центр. Лида – справа.

1942 год.

И вот новоиспеченный доктор – молодой, так сказать, специалист*, 21 года от роду, приступил(а) к работе 7 августа 1942 года**.

Посмотрите, вон она: в отдельном кабинете, сидит за столом, в белом халате и белом колпаке – с замиранием сердца и холодком в пятках ждет первого пациента... Вот сейчас откроется дверь... вот сейчас....

Пришла молодая туркменочка. Стала жаловаться на боли в нижней части живота. Мысли молодого врача лихорадочно завертелись: «ЧТО там может быть?! ЧТО?» Старших товарищей – никого, спросить некого... И тут Лида вспомнила клятву Гиппократова, первую заповедь врача – «не навреди». Авторитетно пощупала живот молодки, и решительно выписала порошок ... от головной боли! (А сама тем же вечером буквально вгрызлась в учебник, и стала вспоминать: «аппендицит, заворот кишок...»). Фух! Обошлось! Ничего страшного у туркменочки не было!)

Несколько человек приходили на перевязку – молодой доктор храбро отправила их к медсестре...

И закрутились, заскакали день за днем, день за днем, всё мелькали и мелькали – в чужом краю, почти в пустыне, вдали от Большой Цивилизации, в домике с земляным полом и мангалом, сделанным из ведра...

Некоторые казусные случаи, как и первая пациентка, остались в памяти навсегда.

Пришел молодой парень, как и все население аулов, плохо говорящий по-русски. И на вопрос «Что у тебя болит?» (очевидно, понятый правильно) выдал чисто по-русски ... слово из трех букв! Несмотря на некоторый шок, молодая «пани доктор» поняла, что в данном случае, скорее всего, требуется венеролог. Сделав знак туркмену «подождите!», Лида кинулась к заведующему амбулаторией: «Григорий Осипович, как мне быть? Как смотреть? А надо ли смотреть, а то, может, и не надо?» . Посмотрел Григорий Осипович на изменившуюся в лице Лиду и выручил – сам принял больного.

Медицинская помощь должна быть оказана тогда, когда она требуется, поэтому «медцентр» в Сагар-Чага работал по системе "24/7". Однако, Григорий Осипович, на правах заведующего и вообще старожил, в воскресенье (который все-таки официально был выходным) любил уезжать в Мары. Ирина Адольфовна, к сожалению, была не очень сильным специалистом, да и часто ездила на вызовы. Так что молодой доктор Лида, фактически, оставалась одна. И, если больных не было – потихоньку занималась домашними делами.

В один из таких «выходных» во двор бывшего хлопкозаготовительного пункта вбежала туркменка, и на ломаном русском принялась кричать, что "там" рождает молоденькая татарочка (татар сюда переселили еще перед войной). По несчастливому стечению обстоятельств, акушерки Киры в тот момент тоже не было. Что делать? Лида быстро собралась и почти бегом побежала в «медцентр».

Обнаружив роженицу, лежавшую на «акушерской» койке в стационаре (в больнице всегда была дежурная санитарочка, которая и «определила» женщину на место), стала лихорадочно думать «... и что дальше????!!!». Но, на всеобщее

счастье, Лида была очень прилежной студенткой, и потому вспомнить раздел «Как вести роды» ей, даже в в этой стрессовой ситуации, не составило труда.

...Процесс пошел...Однако, выяснилось, что ребенок идет неправильно, и вместо "вместилища мыслей" всё норовил явить миру сначала совсем другую часть своего крохотного тельца... Но «отличница учебы», вспомнив соответствующие схемы и их описание, «утолкала» новоявленное дитя родиться правильным образом. Уфф!!!...Татарочка родила, вполне благополучно! Но оставалась еще одна, довольно важная часть процесса – перевязка пуповины. Лида снова мысленно перелистала лекции и учебник «... Перевязать пуповину в двух местах.... Посредине – разрезать. ... прижечь йодом.... ... детское место опустить в теплую воду.... И ждать полчаса...Потом промыть и посмотреть на отрыв пленки – что все вышло...»

Ура! Молодая «пани доктор» сдала и этот «экзамен» на отлично!

* приходилось работать по самому широкому профилю, хотя специальность, полученная в мединституте – терапевт!

** и пока Лида даже не предполагает, что ровно через 22 года, именно в этот день, родится её первый внучок! Причудливо выются линии Жизни...

21. Так положено

На фото: 1938 год, Лида (слева) с сокурсницей в анатомичке Крымского меда в Симферополе.

Кто бы знал, что знания, полученные на этих занятиях, будут так остро востребованы?

В качестве эпиграфа: Знаете такую старую детскую песенку – "О Настоящем Трубоче"? «Как хорошо – не надо кланяться, свистят все пули над тобой. Везде пройдет, но не расстанется с своей начищенной трубой... А почему? Да потому, что так положено ему...»

Именно эта песенка(точнее – ее припев) выплыла серебристой рыбкой из глубин моей памяти, и незримо-неотступно вилась вокруг на протяжении всей работы над этой частью....

Две истории, изложенные ниже, пытаются выглядеть абсолютными противоположностями. Одна из них будто только сошла из сценария фильма ужасов (правда, зомби и прочие голливудские упыри из нее так и не проклюнулись).

Вторая история – напротив, изо всех пыжится приобрести юмористический оттенок (по тем же голливудским канонам), но в реальности ничего смешного в ней нет.

А вот в чем они точно одинаковы: как это – делать не то, «за что деньги платят», а то, что положено. Положено чувством долга – по отношению к людям, которые рядом. Положено собственной честью. , в 40-е годы прошлого века, в песках Средней Азии, тогда – упрямо социалистической? А вот так...

... ..

По Сагар-Чага прошел слух, что одну из туркменок, у которой муж ушел на фронт, принудил к сожительству какой-то мелкий административный чин. Увы, цивилизация, со своими доспехами для всех слабых женщин, еще не достигла в полной мере здешних территорий. И, как было принято по местным обычаям – дабы избежать позора – несчастная облилась керосином и сожгла себя. Ее похоронили и началось расследование причин, вызвавших этот кошмарный акт. И через несколько дней поползли новые слухи: самоубийца была, к тому же, беременна, что не только само по себе было ужасным, но и значительно отягощало участь обвиняемого «чина»...

Дело было летом. То есть стояла обычная для этих мест жара – около 45 градусов Цельсия. Лида сидела на приеме, когда к ней вошел местный прокурор, снабженный соответствующими бумагами: «Надо сделать эксгумацию трупа!».

Григорий Осипович (зав. амбулаторией), как всегда, в нужную минуту, был на вызовах*. И никто особо не собирался идти на помощь молодому доктору в таком щекотливом деле. А так как местное население, по своим соображениям, в этом будет принимать минимальное участие – значит, Лиде надо ехать на кладбище, лично.

И вот Лидочка(22 года, русская), прокурор(туркмен), следователь(русский, ...то есть украинец, Рева), начальник милиции(русский) и председатель райисполкома(туркмен) собрались в путь.

Представьте: дорог, как таковых – нет. Местное население ездит на осликах и лошадях. Лидочке выдали лошадь, на которую молодой доктор воззрилась с явным испугом. В Керчи и Армавире ей встречались только тяжеловозы – массивные, медлительные коняги, а обычную, ездовую лошадь она до приезда в Сагар-Чага, можно сказать, только на картинке-то и видела. Исключением были колхозные лошади-трудяги, которых она наблюдала, как кажется, уже сто

лет назад – в мирной жизни, на студенческих каникулах.

Лошадь подвели к возвышению, «всем гуртом» запи-хали на нее Лиду (хорошо, что догадались подобрать самую тихую кобылку!), и процессия тронулась. А два туркмена, которые должны были раскапывать могилу, пешие – побежали рядом.

Технология захоронений в тех местах была такова. Хоронили без гробов, просто закручивали тело в длинный кусок материи. Могилу рыли квадратную, и одну сторону подрывали – наподобие пещеры, куда заталкивали «куклу». Внутри клали палочки саксаула**, потом насыпали землю или песок... И получалось что-то вроде склепа.

Вот приехали на кладбище. Могил, в нашем понимании, нет. Ровное место – ни загородки, ни холмика. Только торчат палочки с белыми повязанными тряпочками, для отметок мест захоронения. А дело уже подходит к закату, скоро стемнеет... Откопали могилу. Теперь надо было вытаскивать труп, но туркмены наотрез отказались это делать, с весьма убедительной мотивировкой: «Аллах не разрешает!» И бесчувственный (по долгу службы и роду профессии) туркмен-прокурор сказал Лиде: «Доктор, лезь туда и вскры-

вай!».

Надо сказать, что Лида не стала артистически падать в обморок, трагически заламывать руки с криками «Как это можно – чтоб женщина в могилу лезла!» или «В мои должностные обязанности терапевта не входит вскрытие трупов!» и прочее, а просто сказала кому-то из своих, русских: «Если вдвоем – я полезу». И... спустилась вместе с добровольцем.

Откатали «куклу», разрезали тряпку, Лида приступила к вскрытию трупа... Повторюсь: пески, 45 градусов жары днем... Поэтому совершенно неудивительно, что кишечник (напомню, что он у нас длиной 5 метров) трупа вздулся из-за образовавшихся газов, после аккуратного разреза все это вывалилось наружу, и в этой путанице, в этой массе – остальных органов почти не было видно... Страшная вонь... Моментально налетели мухи со всей округи... И над всем этим – 22-летняя девчонка... то есть молодая женщина в медицинских перчатках и со скальпелем в руках (баночка со спиртом для дезинфекции – рядом). И не оторва какая-нибудь, которой всё нипочём, а умница-отличница, хозяйственная девочка ... Скажите честно, многие ли из ваших знакомых этого возраста (включая "свежих" выпускников мединститута) смогли бы такое сделать – и не за Большие Деньги, а просто потому, что это – надо, что так поло-

жено?

Стараясь сосредоточиться на своих действиях, девушка стала вспоминать анатомию, а так же время (много времени!), проведенное в анатомичке... В конце концов, нужный орган, хоть и с большим трудом, был извлечен и вскрыт, но Лида при этом порезала палец скальпелем (а память тут же услужливо ей подсунула историю про трупный яд из Тургеневских «Отцов и детей»). Тут и пригодилась заветная баночка. Молодой доктор сразу оказала себе первую помощь: сделала примочку из спирта, и бинтом, очень туго, завязала порезанный палец. Тем не менее, несмотря на «ранение», скрупулезно довела дело до конца и убедилась, что беременности не было.

Наконец, Лида вылезла из могилы, помощники-туркмены закопали всё обратно (видимо, такие манипуляции с могилами не входили в противоречие с их религией). И процессия двинулась в обратную сторону: теперь надо было писать протокол, а Лиде – еще и экспертизу судебного вскрытия, что она и выполнила по всем правилам.

К счастью, вскрытый труп из потревоженной могилы Лиде никогда не являлся, даже во сне. Может, потому, что

он все-таки не был самым страшным в её жизни?

... ..

Как-то раз, как всегда (в подобных случаях), в воскресенье (то есть когда заведующий, Григорий Осипович, опять был в городе!), уже вечером – к Лиде прибежала дежурная санитарочка из больницы (при больнице дежурили постоянно). Запыхавшись, она еле выговорила, что Эне-джан («райздравотдел») просит доктора срочно прийти в амбулаторию – кто-то из её родственников заболел.

Эне (молоденькая туркменочка, окончившая курсы красного креста и красного полумесяца) встретила Лиду на пороге «медцентра»: «Мой дядя полгода был в песках – пас отару овец. Какая-то машина подвезла его к самому дому. Он спрыгнул с машины и ... напоролся на колючую проволоку, которой была огорожена кибитка. К жене очень спешил! И ... напоролся тем самым местом... ! И всё т а м разорвал ...!!! Ай, горе, какое горе!!!...».

Попав, наконец, внутрь помещения, Лида увидела лежащего дядю Эне – штаны его были в крови. Лида с акушеркой Кирой уложили бедолагу бабая*** на гинекологическое кресло. Эне взяла в руки зажженную керосиновую лампу и

встала рядом с креслом – чтоб видно было(электричества не было, вообще не было).

Тем временем Лида перенесла на подручный столик стерильные иглы и шелк в пробирке (они там были на случай родов). При осмотре несчастного оказалось, что хотя крови было очень много, но разодрана только кожа – правда, зигзагами, а все остальное, к счастью, не повреждено.

«Отправить в Мары – опозориться, скажут – что за врач, сама не справилась... !» – подумала Лида.И решила – буду зашивать! И снова стала вспоминать лекции и учебники...

Для зашивания используется полукруглая игла и иглодержатель... Молодой доктор обработала инструменты и рану спиртом и принялась за дело.... Помимо лекций и учебников, в памяти всплыла пройденная в мединституте практика на трупах и комментарий преподавателя: «Надо сшивать так, чтобы оба края наружу. Срастется – расправится, а если наоборот – втянется....».

Иглодержатель с зажимом выглядел, примерно, как кусачки. Для каждого "стежка" надо было приподнять кусок кожи, продеть иглу, перехватить держатель... Но – вот ужас! – инструменты были настолько малоиспользуемы, по-

что новые, что и с открытием, и с закрытием держателя была проблема... После каждого шва нитку надо было отрезать и начинать заново, в другом месте... На восьмом шве Лида сдалась! И, взяв прямую иглу (чтоб не мучиться с иглодержателем) начала шить, как обычная швея шьет руками...

Бабай только охал! Конечно, и при «ручном» способе, «пани доктор» делала все по науке: сначала – дезинфекция (руки моют с мылом, в двух водах, потом прополаскивают нашатырным спиртом, потом – спиртом обычным, это по методу Спассокукотского****)

После окончания «швейного производства» была снова проведена дезинфекция (швов) – йодом, потом – присыпка стрептоцидом. После этого на рану Лида положила салфетку, а сверху щедро полила коллодием *****

На седьмой день Лида самолично сняла швы (выдернула нитку) – все срослось, никакого нагноения не было! Снова – чистая «пятерка»!

....

Много было всяких случаев еще – и смешных, и страшненьких – и в работе, и в жизни. Всех не упомнишь, всего

не запишешь.

Лидочка проработала в Сагар-Чага до 14.03.1946 – почти три с половиной года. В справке, которую ей выдали при увольнении "за неимением трудовой книжки", значилось, что она – зав райбольницы и глазной станции, и уволилась "в виду реэвакуации". Однако, она продолжила работу по специальности в областном центре, которому принадлежал Сагар-Чага – городе Мары – аж до декабря 1958 года.

А потом...

–

*В этом месте бабушка не сдержалась и, как в отместку за пережитое, прибавила: «Там хорошо давали – барашками!».

** Здесь бабушка неожиданно поделилась собственным опытом: «С него (саксаула) уголь хороший, для утюга!»

*** Бабай – "дед", у русских в Средней Азии – типичный абориген. (Викисловарь)

**** Метод Спасокукоцкого – Кочергина. Метод несмот-

ря, на возраст, остается эффективным, и соответствующим современным требованиям асептики, и позволяет выполнить адекватную предоперационную подготовку хирурга в любых условиях, при минимуме медикаментов. (из Википедии).

***** использовался для фиксирования перевязочного материала в хирургии, как защитное и дезинфицирующее средство

Эпилог

Что же было потом...

Маленький Володя, с самого начала своей жизни испытывавший тяготы военного времени, вырос в очень красивого мужчину, похожего на актера Кевина Костнера в молодости, и стал... нет, не космонавтом, но за руку с ними здороваться вполне мог. А все благодаря упорству и стараниям своей мамы, которая не позволила юношескому разгильдяйству взять верх над его умом и талантом.

Виктор нашел их после войны, очень хотел вернуть свою семью, и Лидочка, фактически, уже согласилась, но... во время «примирительного» застолья брошенная небрежным тоном (не слишком трезвым) Виктором, фраза: «Мама у меня одна, а жён сколько угодно будет!» – перечеркнула все. И сколько бы потом Виктор не умолял Лиду о прощении, сколько бы не писал проникновенных, полных тоски писем – она была непреклонна.

В Туркмении Лида вышла замуж второй раз. Вышла не по любви, а «чтоб у мальчика был отец». Но вскоре, в 1948 году родила двух девочек-близняшек: серьезную, тихую Галю и свою тёзку, Лидочку, унаследовавшую от мамы вместе с именем и силу духа, и решительность, и яркую, звенящую жизнерадостность. Рождение дочек оказало большое влияние на принятие решения о возвращении в Российскую федерацию.

Обе девочки были свято уверены, что у них «просто идеальная семья», пока не настало время им закончить высшее учебное заведение. После этого их мама молча, без всяких скандалов и сцен, собрала чемоданчик со своими вещами и

ушла – на съемную квартиру. Невозможно жить с нелюбимым человеком. Столько продержаться только на одном чувстве долга – это еще один показатель твердости духа и силы чести.

Параллельно с этими событиями, после выезда из Туркмении, было еще несколько переездов – между городами центральной части России. На всех местах – множество почетных грамот, благодарственных писем, и были предложения руководящей работы, но... но тут в ее жизнь – без спроса, как чахлый бездомный котенок на половичок у двери – вторглась третья по счету внучка, двухлетняя я....

Бабуля моя, Никонова Лидия Николаевна, главная героиня всех этих историй, записанных с ее слов, прожившая почти весь великий и трагичный 20 век целиком...

... до последнего своего лета читала детективы Дарьи Донцовой, романы о французских королях, и столь любимую ею всегда «Дочь Монтесумы»...

... до последнего своего лета могла по памяти нарисовать карту СССР (особенно – юго-западную и южную часть, со всеми крупными городами и железными дорогами), твердо

помнила столицы всех 15 советских республик и бесконечно удивлялась моей безграмотности в области географии.

... до последнего своего лета совершенно самостоятельно ходила ко мне в гости (за две улицы), взбиралась без лифта на третий этаж и, когда я пыталась предложить свою помощь в обувании\разувании (совладать со шнурками и замками на обуви), пренебрежительно отказывалась «Да что я – со- всем уже старая, что ли?».

... умерла в прошлом году, в возрасте 93 с половиной лет, от старости и болезней. Последние две недели были самыми тяжелыми. Пересказывая самые добрые её же воспомина- ния, показывая ей старые фотографии – я всё пыталась по- грузить её уже начинающее путаться сознание в пережитые самые счастливые годы. И время от времени мне удавалось вызвать у нее слабую улыбку... А почти перед самым концом своим бабушка сказала: «Моя дорогая, я так счастлива, что последние часы своей жизни провожу с тобой...».

Моя дорогая бабуля, где бы твоя душа не была сейчас – слышишь? – ты навсегда в моем сердце, и весь твой мир – тоже со мной, в этих строках.

...А где-то там, у горы Митридат, каждую весну снова за-
цветают тюльпаны...